

На правах рукописи

Бадмаев Андрей Андреевич

**ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ
БУРЯТ: ГЕНЕЗИС, ЭВОЛЮЦИЯ, ТРАНСФОРМАЦИЯ**

Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Новосибирск 2017

Работа выполнена в отделе этнографии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН)

Официальные оппоненты:

Таиров Александр Дмитриевич – доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет), директор научно-образовательного центра «Евразийские исследования», профессор кафедры «Профессиональные коммуникации»;

Жамбалова Сэсэгма Гэндэновна – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии;

Салмин Антон Кириллович – доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук», ведущий научный сотрудник отдела этнографии восточных славян и народов европейской части России.

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук

Защита диссертации состоится «26» декабря 2017 г. в 13.30 часов на заседании диссертационного совета Д 003.006.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН) по адресу: 630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17, конф.-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИАЭТ СО РАН и на официальном сайте Института www.archaeology.nsc.ru

Автореферат разослан «__» _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
д-р ист. наук

С. В. Маркин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. В начале XXI в. культурное наследие народов России является объектом интереса и предметом широких инициатив и государства, и общества. Его актуализация связана с синхронным действием противоположных процессов глобализации и автономизации. Реагируя на проявления глобализма и продолжающуюся унификацию культур, представители различных народов обращаются к собственным традициям, пытаясь адаптировать их к современному социокультурному контексту.

Повышенное внимание общества к этническим культурам учитывается при выработке и проведении национальной политики в стране. Одним из базовых ее принципов является признание важности сохранения историко-культурного наследия для развития каждой территории. Реализация национальных и региональных программ сохранения культурного наследия в Республике Бурятия оборачивается возвращением в жизнь современного бурятского сообщества отдельных элементов традиционной культуры.

Являясь важнейшей характеристикой бурятского народа, культура жизнеобеспечения хранит информацию об его этногенезе, этнической и социокультурной истории, об этническом менталитете и т. п.; поэтому ее изучение является чрезвычайно актуальным.

Объектом диссертационного исследования является культура жизнеобеспечения бурят, рассматриваемая в исторической динамике в процессе трансформации традиций и освоения новаций на протяжении XVIII–XIX вв.

В данной работе традиционная культура бурят понимается как способ бытия общества, основанный на трансляции ценностно-смысловых структур и культурных технологий¹. При этом в интерпретации традиционной культуры используется четырехсферная модель, разработанная Ю. И. Мкртумяном и С. А. Арутюновым в 1970-80-е гг. Она, кроме прочего, включает в качестве подсистемы культуру жизнеобеспечения.

Связанная с удовлетворением первостепенных витальных потребностей человека культура жизнеобеспечения содержит такие основные компоненты, как жилищно-поселенческий комплекс, комплекс питания, комплекс одежды, а также некоторые периферийные системы (утварь, мебелировка и др.)².

¹ Тимошук А. С. Традиционная культура: сущность и существование: Дис. ... докт. филос. наук. Нижний Новгород, 2007.

² Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. С. 203.

Отметим, что структурный анализ культуры получил дальнейшее развитие в работах А. В. Головнева 1990-х гг.³. В предлагаемой им схеме культура жизнеобеспечения не выделялась – речь шла о хозяйственной и социальной сферах вариативного взаимодействия природы и общества⁴. Несмотря на очевидные отличия данной модели от предложенной Ю. И. Мкртумяном и А. С. Арутюновым, в ней признавались выделяемые ранее свойства подсистем культуры (их взаимопересечение, изменчивость и др.).

Исследования российских и зарубежных исследователей в области теории культуры продолжаются и сегодня. В данной работе используется принцип компонентного анализа культуры жизнеобеспечения. Как периферийная подсистема рассматривается внутреннее убранство дома – его обозначает понятие «интерьер жилища», а термин «одежда» заменен на более широкий – «костюм», что согласуется с общепринятой классификацией. При этом в качестве маркеров костюма берутся мужской и женский костюмные комплексы, как наиболее показательные.

Предметом исследования избраны механизмы и результаты генезиса, эволюции и трансформации культуры жизнеобеспечения бурят на протяжении XVIII–XIX вв.

Цель работы заключается в выявлении основных механизмов и тенденций развития культуры жизнеобеспечения в контексте социокультурной и этнополитической истории бурят XVIII–XIX вв.

Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи**:

- рассмотреть становление традиционной культуры жизнеобеспечения бурят в контексте этно- и культурогенеза;
- проанализировать развитие культуры жизнеобеспечения бурят в первой половине XIX в. и охарактеризовать влияние на нее политики и практики седентаризации;
- проследить пути и результаты трансформации культуры жизнеобеспечения бурят во второй половине XIX в. и выявить тенденции модернизации.

Территориальные рамки исследования определяются ареалом расселения бурят и охватывают Юго-Восточную Сибирь (Байкальский регион) в административных границах современных субъектов Российской Федерации – Иркутской области (прежде всего Усть-Ордынский Бурятский округ), Республики Бурятия и Забайкальского края (конкретно Агинский Бурятский округ).

Современная Бурятия находится в пределах таких географических районов Юго-Восточной Сибири, как Предбайкалье, Прибайкалье, Западное и Восточное Забайкалье. При изложении материала учитывалось это географическое деление, с дополнительным выделением Восточного

³ Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.

⁴ Там же. С. 22.

Присяянья, большая часть которого (Тунка и Закамна) строго говоря относится к югу Прибайкальской ландшафтной области.

В середине XIX в. в границах этой территории буряты образовывали ряд этнотерриториальных/ этнолокальных групп, к последним можно отнести нижеудинских, окинских и агинских бурят, отделившихся от основного этнического ядра и проживавших на его периферии.

Хронологические рамки работы охватывают XVIII–XIX вв. – период формирования, развития и трансформации традиционной культуры бурят. Основаниями для выделения нижней временной границы исследования являются события первой трети XVIII в., когда, по положениям Кяхтинского договора 1727 г., к России отошла территория Забайкалья. Политические и административно-территориальные разграничения в Восточной Сибири определили контекст и условия становления бурятского народа.

Верхняя граница исследования обусловлена социально-экономическими и политическими трансформациями Российской империи конца XIX в., что обернулось изменениями основ экономики и социальной организации бурят.

Выделенные в работе хронологические периоды соответствуют основным этапам в истории бурят: XVIII в. – этап формирования этнических границ и начала образования этнотерриториальных/ этнолокальных групп; первая половина XIX в. – этап, когда окончательно складывается внутренняя структура бурятского народа; вторая половина XIX в. – этап, когда на развитие бурятской культуры оказывают влияние процессы модернизации, охватившие российское государство и его экономику в целом. Допускаемые в работе хронологические отступления в древность и средневековые диктуются логикой изложения материала, которая требует выявления генетических истоков культуры жизнеобеспечения бурят.

Степень научной разработанности темы. Как исследовательская (классификационная) дефиниция «культура жизнеобеспечения» была введена в отечественную науку в конце 1970–х гг. По устоявшейся к этому времени традиции, жилищно-поселенческий комплекс, комплекс питания, костюмный комплекс и интерьер жилища рассматривались в работах по материальной культуре бурят.

Каждый из перечисленных компонентов культуры получил освещение в этнографической и краеведческой литературе. В истории их изучения можно условно выделить четыре этапа, которые качественно отличаются друг от друга.

Первый этап связан с накоплением знаний: в литературе конца XVII – середины XIX в. содержались отрывочные сведения о поселениях, типах жилищ, их меблировке, утвари, costume и пище бурят. Эта информация носила описательный характер и, в большинстве случаев, не содержала аналитики. К числу авторов этого времени относились Дж. Белл, А. Бранд,

Н. Витсен, И. Г. Георги, И. Г. Гмелин, И. Идес, С. П. Крашениников, Ф. Ланганс, Л. Ланге, Я. И. Линденау, Д. Г. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас, Ренье, Н. Г. Спафарий, М. Татаринов, И. Э. Фишер. Особо выделим Я. И. Линденау, и М. Татаринова, имевших длительный личный опыт работы среди бурят, и поэтому давших достоверную характеристику разных сторон их культуры.

Но при всей описательности уже на начальной стадии изучения были предприняты попытки выявить в культуре бурят общие начала с другими известными на то время аборигенными культурами (калмыками, якутами). В частности, такой подход демонстрировали Дж. Белл и Я. И. Линденау.

Надо также отдать должное работам И. Г. Георги, М. Татаринова и др., где этнографический материал излагался с учетом деления бурят на различные локальные группы. В ранних трудах содержались указания на особенности в жилище, пище, костюме, внутреннем убранстве юрты предбайкальских, восточнобайкальских и забайкальских бурят.

К XIX в. в российской и европейской науке и публицистике был накоплен значительный фактический материал; литература о культуре бурят пополнилась путевыми заметками и обзорами отечественных и иностранных авторов, в силу разных причин оказавшихся в Юго-Восточной Сибири. В их ряду были: Н. М. Астырев, Н. А. Бестужев, Ф. А. Бюлер, Ю. А. Гагемейстер, М. М. Геденштром, А. Гиллер, О. Евецкий, М. А. Зензинов, М. А. Кастрен, Р. Кейзерлинг, О. М. Ковалевский, Д. Д. Кохрэн, М. К. Кюхельбекер, Л. Львов, А. Лядов, А. И. Мартос, И. Мевес, И. Г. Миллер, Эйриэ, Эрман, В. Паршин, Д. Пинкертон, Я. Потоцкий, К. Риттер, П. Ровинский, Г. И. Спасский, Д. Стахеев, Б. В. Струве, Н. С. Щукин и др. Эти авторы внесли свой вклад в открытие бурят для российского и европейского читателя.

Что касается отдельных компонентов культуры жизнеобеспечения бурят, то сведения о них носили фрагментарный характер. Часто авторы, являясь известными географами, лингвистами и др., этнографические сюжеты фиксировали лишь как попутный материал. Общим для многих работ было простое описание отдельных элементов культуры жизнеобеспечения.

Однако в общем ряду стоит выделить труды бывшего верхнеудинского исправника М. М. Геденштрома, профессора Казанского университета О. М. Ковалевского, чиновника по особым поручениям при иркутском губернаторе В. Паршина, ссыльного декабриста Н. А. Бестужева и др., – тех, кто долгое время проживал в Байкальском регионе. Они оставили развернутые характеристики отдельных сторон культуры и быта бурят.

Порой авторы высказывали мысли, актуальные и для современной науки. Так, Ю. А. Гагемейстер прозорливо предположил, что бревенчатые

юрты были известны предкам бурят еще в дорусский период⁵. Заметим, что его работа, построенная на знании природно-географических условий и опирающаяся на статистические материалы, была своеобразной прелюдией череды исследований последующего этапа.

Оценивая в целом первый этап, можно утверждать, что за период с конца XVII по середину XIX в. была сформирована обширная источниковая база по культуре бурят, в том числе по материальной ее составляющей.

Второй этап (конец XIX – начало XX в.) был связан с началом аналитического изучения культуры бурят, чему способствовали, прежде всего, организация Императорского Русского географического общества (ИРГО) в 1845 г. с выделением его Сибирского отдела (1851 г.), переименованного в 1877 г. в Восточно-Сибирский, и Приамурского отдела (1894 г.). При поддержке этих структур был выполнен цикл исследований по культуре бурят, в том числе отдельных компонентов их жизнеобеспечения.

Помимо обзорных публикаций по хозяйству и быту некоторых этнотерриториальных групп и в целом бурятского народа, увидели свет работы, специально посвященные молочной пище и посуде, обработке войлока, кожи и шерсти, войлочной юрте и т. п. Шло накопление сравнительных материалов по разным группам бурят, обращалось внимание на факты межкультурного взаимовлияния бурят и русских.

Новый этап в исследовании предварили мемуарные (по большей части) публикации П. А. Кропоткина, Р. Маака, Г. Радде, А. Раева и А. С. Сгибнева. Указанный период ознаменовался творчеством таких авторов, как Л. В. Александров, Д. М. Головачев, П. М. Головачев, Я. П. Дуброва, А. Калмыков, М. А. Кроль, Н. А. Крюков, П. Е. Кулаков, Я. М. Моллесон, И. А. Молодых, Г. М. Осокин, А. В. Потанина, Н. И. Разумов, И. А. Рукавишников, И. И. Серебrenников, С. Смолев, И. Сосновский, Н. Петерсон, П. Г. Полторацнев. Наряду с этнографами, к изучению культуры жизнеобеспечения подключились краеведы, географы и пр. Примечательным для данного периода стало появление исследователей – представителей зарождающейся национальной интеллигенции (А. К. Балдуникова, Б. Ванчикова, Р. С. Мэрдыгеева, М. Н. Хангалова, Г. А. Улаханова и др.).

Так, в научном наследии одного из основоположников бурятской этнографии – М. Н. Хангалова – можно выделить работы, раскрывающие локальную специфику жилища, костюма, пищи, утвари у предбайкальских бурят⁶.

⁵ Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему Его Императорского Величества повелению при Сибирском Комитете Действительным Статским Советником Гагемейстером. СПб., 1854. Ч. II.

⁶ Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ, 1958. Т. 1. С. 205–252.

Помимо проблем развития культуры, в ходе второго этапа началось обсуждение проблем воздействия природно-экологических условий на хозяйственную деятельность бурят.

На рубеже XIX–XX вв. интерес к изучению культурных и производственных традиций бурят подстегнула землеустроительная реформа, подготовка к которой вызвала масштабные исследования состояния сельского хозяйства Восточной Сибири. Стоит упомянуть в этой связи труды Комиссии А. Н. Куломзина 1895–1900 гг., в цикле которых были изданы книги Д. Головачева, А. Калмыкова, Н. А. Крюкова, Н. Петерсона, Н. И. Разумова, И. Сосновского и др. Для всех этих авторов было характерно привлечение обширного статистического материала. Присущий данным работам сравнительный исследовательский подход позволил детализировать различия между этническими культурами Забайкалья.

В начале XX в. исследования по проблемам материальной культуры бурят были продолжены краеведами, объединившимися в рамках Бурят-Монгольского научного общества им. Доржи Банзарова и Бурят-Монгольской секции ВСОРГО. Эти организации возникли в 1923–1925 гг. и были созданы, главным образом, с целью изучения истории и культуры бурят. Благодаря новому поколению бурятских исследователей (Б. Ванчикова, Р. С. Мырдыгеева, Г. А. Улаханова и др.) изучение родной для них культуры приобрело углубленный характер.

В это время появился интерес к синтетическим исследованиям. Из работ этого плана можно упомянуть статьи Б. Э. Петри и П. П. Хороших⁷, которые дали начало новому направлению в бурятоведении, связанному с анализом декора жилища, народного костюма, конского снаряжения.

В целом, в зависимости от предметно-методологической области, на втором этапе изучения культуры жизнеобеспечения бурят, можно выделить следующие исследовательские подходы: историко-этнографический; экономико-географический; искусствоведческий.

Третий этап в исследовании темы связан с развитием советской региональной этнографии с 1930–х гг. Системное изучение истории и этнографии бурят стало возможно благодаря организации в 1929 г. Государственного института культуры БМАССР (г. Улан-Удэ), реорганизованного в 1936 г. в Бурят-Монгольский институт языка, литературы и истории; а в 1958 г. – в Бурятский комплексный научно-исследовательский институт СО АН СССР с последующим выделением из него Бурятского института общественных наук СО АН СССР.

⁷ Петри Б. Э. Орнамент кудинских бурят. СПб., 1918. С. 215–252 (Сб. МАЭ АН; Т. V., Вып. I); Хороших П. П. Материалы по орнаменту ольхонских бурят // Сибирская живая старина. Иркутск, 1926. Вып. 2. С. 211–214; Он же. Материалы по орнаменту северных бурят. Узоры на шитых работах // Бурятоведческий сборник. Иркутск, 1927. Вып. 3–4. С. 37–40.

Становление этого центра происходило при поддержке ряда российских институтов, в том числе Института этнографии АН СССР. Результатом целенаправленных проектов в масштабах СССР стало появление с 1950-х гг. монографических и других изданий о материальной культуре бурят и отдельных ее составляющих с использованием современного научного инструментария. Развиваясь в русле отечественной традиции, бурятская этнография строилась с опорой на методологию научного коммунизма, один из постулатов которого был связан с утверждением дихотомии духовной и материальной культуры.

На основе теоретических разработок советской школы этнографии был осуществлен анализ традиционной и современной материальной культуры бурят, и их территориальных групп: агинских – Л. Л. Линховоин⁸, янгутских бурят – И. М. Манжигеев⁹ и т. д.

При создании обобщающих трудов по истории и культуре народов Сибири, конкретно Байкальского региона и Бурятской АССР (до 1958 г. Бурят-Монгольской АССР), были написаны разделы, посвященные поселениям, жилищу, костюму и пище бурят¹⁰.

Важным фактором в развитии этнографических исследований 1960-х гг. стала подготовка обобщающих фундаментальных исследований «История Сибири» (1968–1969 гг.) и «Народы Сибири» (1956 г.).

Начало системных исследований, в том числе в бурятоведении, было связано с деятельностью академика А. П. Окладникова, первая монография которого была посвящена истории западных бурят¹¹. В его более поздних статьях, составивших отдельный сборник, был поднят вопрос об истоках культуры бурят¹².

Одним из основных трендов исследований 1950–70-х гг. стало изучение механизмов социалистической модернизации народов России.

⁸ Линховоин Л. Л. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. Улан-Удэ, 1972.

⁹ Манжигеев И. М. Янгутский бурятский род (опыт историко-этнографического исследования). Улан-Удэ, 1960.

¹⁰ Историко-этнографический атлас Сибири / Под. ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова; АН СССР. М., 1972. С. 209–234; История Бурят-Монгольской АССР / Под. ред. А. П. Окладникова; БМНИИК. Улан-Удэ, 1951. Т. 1; История Бурят-Монгольской АССР: В 2-х т. Изд. 2-е, испр. и доп. / Гл. ред. П. Т. Хаптаев; БМНИИК. Улан-Удэ, 1954. Т. 1; История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5-ти т. / Гл. ред.: А. П. Окладников, В. И. Шунков. Л., 1968–1969. Т. 1: Древняя Сибирь. 1968; Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. 1968; Народы Сибири / Под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М.; Л., 1956; Очерки истории культуры Бурятии / Ред. кол.: Е. М. Залкинд (отв. ред.), Н. В. Ким, Т. М. Михайлов. Улан-Удэ, 1972. Т. 1; Очерки общей этнографии: Азиатская часть СССР / Под. ред. С. П. Толстова, М. Г. Левина, Н. Н. Чебоксарова; АН СССР. Сиб. отд.-ние. Ин-т этногр. им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М, 1960; Народы мира: историко-этнографический справочник / Под. ред. Ю. В. Бромлея. М., 1988.

¹¹ Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII). Л., 1937.

¹² Окладников А. П. История и культура Бурятии: сб. ст. Улан-Удэ, 1976.

Он получил развитие в монографиях И. Е. Тугутова¹³, К. В. Вяткиной¹⁴ и др., посвященных бурятской культуре.

В рамках обобщающих исследований по типологии костюма народов Сибири (верхней одежды, обуви, шаманского костюма) осуществила изучение традиционного бурятского костюма Р. Д. Бадмаева¹⁵. Ею была предложена авторская типология костюмного комплекса бурят с делением по гендерному признаку и функциональному назначению.

Наряду с исследованиями общего характера в советской региональной этнографии поднимались частные вопросы – например, предпринимались попытки реконструкции традиций и оценки трансформации жилищно-поселенческого комплекса бурят (труды К. Д. Басаевой, Г. Э. Дамбаева, Б. Р. Зориктуева и Ю. Б. Рандалова)¹⁶; изучалась локальная специфика молочной пищи у агинских и баргузинских бурят¹⁷.

Для изучения вопросов развития культуры жизнеобеспечения бурят в XVIII–XIX вв. определенное значение имели труды ученых, занимавшихся историей Байкальского региона, в особенности бурятского хозяйства, – таких, как Ф. А. Кудрявцев, Е. М. Залкинд, И. А. Асалханов, М. М. Шмулевич, С. Г. Жамбалова¹⁸.

Художественные аспекты элементов костюма и внутреннего убранства жилища были раскрыты в трудах С. В. Иванова, А. В. Тумахани, Н. В. Кочешкова, И. И. Соктовой и Л. Р. Павлинской¹⁹.

¹³ Тугутов И. Е. Материальная культура бурят. Улан-Удэ, 1958.

¹⁴ Вяткина К. В. Очерки культуры и быта бурят. Л., 1969.

¹⁵ Бадмаева Р. Д. Бурятский народный костюм. Улан-Удэ, 1987.

¹⁶ Дамбаев Г. Э. Современное жилище баргузинских бурят // Этногр. Сб. 1969. Вып. 5. С. 11–15; Рандалов Ю. Б. Современное поселение и жилище бурят (По материалам Бичурского аймака) // Этногр. об. 1965. Вып. 4. Культура и быт народов Бурятии. С. 55–72; Зориктуев Б. Р. Современный быт бурятского села. Новосибирск, 1982; Басаева К. Д. Традиционное бурятское жилище и его членение // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. Улан-Удэ, 1984. С. 102–125.

¹⁷ Жигмитов Д. Б. Молочные блюда агинских бурят // Этногр. сб. Улан-Удэ, 1961. Вып. 2. С. 141–143; Уртюбаев Д. Ц. Молочная пища баргузинских бурят // Этногр. сб. Улан-Удэ, 1961. Вып. 2. С. 137–140.

¹⁸ Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60–х гг. XIX в. М.; Л., 1940; Залкинд Е. М. Хозяйство бурят-монголов в XVII – начале XVIII в. // Зап. Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры, 1956. Вып. XXIV. С. 140–170; Он же. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958; Он же. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. М., 1970; Асалханов И. А. Об одном нойонском хозяйстве второй половины XIX в. // Краткие сообщения БКНИИ. Улан-Удэ, 1962. Вып. 4. С. 72–83; Он же. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963; Он же. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 1975; Шмулевич М. М. Очерки истории Западного Забайкалья XVII – середина XIX в. Новосибирск, 1985; Жамбалова С. Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск, 1991.

¹⁹ Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). М.; Л., 1963; Тумахани А. В. Бурятское народное искусство. Улан-Удэ, 1970; Кочешков Н. В. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX – середины XX в. М., 1979; Соктова И. И. Изобразительное и декоративное искусство Бурятии. Новосибирск,

Начало семиотических исследований в бурятоведении было положено небольшой работой К. Вэддингтона, касавшейся жилища бурят²⁰. Следующим, кто заинтересовался семиотическим значением вещей, был Д. С. Дугаров. На базе большого круга источников им была выделена орнитозооморфная символика женской одежды, связанная с ритуальной обрядностью и, по мнению автора, связанная с архаичными тотемистическими представлениями²¹.

Итак, третий этап в изучении темы характеризовался развитием историко-этнографического и искусствоведческого подходов, вместе с тем в исследованиях по женской одежде и жилищу был апробирован семиотический подход. Отличительной чертой многих публикаций второй половины XX в. была их идеологизация, проявлявшаяся в сопоставлении традиционного и современного облика этнической культуры с целью подчеркнуть те качественные изменения, что произошли в рамках советского строя.

Четвертый этап в изучении компонентов культуры жизнеобеспечения бурят, начинается с 1990–х гг. Он отмечен трансляцией традиционных и поисками новых подходов, вводом в научный оборот значительного числа ранее неопубликованных источников. Этот период ознаменовался резким подъемом интереса у исследователей к традиционной бурятской культуре.

Сегодня проведение этнографических и этнологических изысканий по культуре бурят, в основном, осуществляется в научных и образовательных центрах Бурятии: в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, в Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств и др. при взаимодействии с исследователями из других российских регионов.

Заметным событием в развитии бурятоведения стал выход в 1993 г. Сборника «Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов»²². Собранные в нем работы Т. М. Михайлова, К. Д. Басевой, Г. Р. Галдановой обозначили многофакторный (с учетом внутренних процессов и внешних влияний) подход в изучении проблем культуры жизнеобеспечения бурят на примере анализа жилищно-поселенческого комплекса и ритуальной пищи отдельных этнотерриториальных групп.

1988; Павлинская Л. Р. Художественный металл бурят XIX – начала XX в. в историко-этнографическом аспекте: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987.

²⁰ Вэддингтон К. Символический аспект в развитии бурятского жилища // Этническая история и современное национальное развитие народов мира: Тез. докл. конф. молодых науч. сотрудников и аспирантов Ин-та этнографии АН СССР. М., 1967. С. 19–23.

²¹ Дугаров Д. С. Лебедь в орнаменте женского костюма тюрко-монгольских народов // СЭ. 1983. № 5. С. 104–113; Он же. Орнитозооморфная символика женского костюма некоторых тюрко-монгольских народов // Материальная и духовная культура калмыков. Элиста, 1983. С. 36–51.

²² Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск, 1993.

Важную роль для понимания генезиса и эволюции поселений и жилищ, а также пищи бурят сыграли публикации по истории хозяйства и археологии Юго-Восточной Сибири таких авторов, как А. С.-Д. Балданова²³, И. Б. Батуева²⁴, Б. Б. Дашибалов²⁵, Н. Н. Крадин²⁶, А. М. Курышов²⁷, В. А. Михайлов²⁸, Д. Д. Мангатаева²⁹, Д. М. Маншеев³⁰ и др.

В современной бурятоведческой литературе утверждаются новые способы типологизации культуры: происходит отказ от дихотомии материального и духовного с признанием более дробной ее структуры. При этом исследователи обращаются к системному подходу с учетом взаимодействия различных сфер культуры. В рамках данного подхода большое внимание уделяется проблемам символики и семантики традиционной бытовой культуры. На материалах костюмного комплекса, жилища и его интерьера в работах С. Б. Самбуевой, М. Б. Дагдановой, М. М. Содномпиловой³¹ дана оценка знаковых и символических функций вещного мира бурят в сравнении с культурами тюрко-монгольских народов Центральной Азии.

Итогом глубоких и всесторонних изысканий в области истории и культуры бурят стало академическое издание «Буряты» 2004 г. из многотомной серии ИАЭ РАН «Народы и культуры». В нем культуре

²³ Балданова А. С.-Д. Традиционное хозяйственное природопользование бурят в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд.ист.наук. Улан-Удэ., 1997.

²⁴ Батуев Б. Б., Батуева И. Б. Очерки истории селенгинских бурят. Улан-Удэ, 1993; Батуева И. Б. Буряты на рубеже XIX-XX вв. Улан-Удэ, 1992; Она же. История развития хозяйства забайкальских бурят в XIX веке. Улан-Удэ, 1999; Она же. Буряты. Традиции скотоводческой культуры в XIX – начале XX века. Улан-Удэ, 2013.

²⁵ Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ, 1995; Он же. На монголо-тюркском пограничье (Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века). Улан-Удэ, 2005.

²⁶ Крадин Н. Н. Кочевое хозяйство агинских бурят во второй половине XIX – начале XX века // *Studia ethnologica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Mongoli*. Улан-Батор; Улан-Удэ, 2000. Т. XII. Fasc. 11. С. 213–244.

²⁷ Курышов А. М. Трансформация системы традиционного хозяйства коренных народов Прибайкалья на рубеже XIX–XX столетий. Иркутск, 2011.

²⁸ Михайлов В. А. Войлочная и деревянная юрты бурят. Улан-Удэ, 1993; Он же. Традиционные занятия бурят: животноводство, земледелие (XVII – начало XX века). Улан-Удэ, 2005; Он же. Традиционные промыслы бурят: охота, рыболовство (XVII – начало XX века). Улан-Удэ, 2006; Он же. Традиционные ремесла бурят: строительство, металлообработка (XVII – начало XX века). Улан-Удэ, 2006.

²⁹ Мангатаева Д. Д. Эволюция традиционных систем жизнеобеспечения коренных народов Байкальского региона / Под ред. Раднаева Б. Л. Новосибирск, 2000.

³⁰ Маншеев Д. М. Хозяйство бурят в XIX веке: основные факторы и особенности развития. Улан-Удэ, 2011.

³¹ Самбуева С. Б. Символика традиционного бурятского женского костюма.: Дис. ... канд.ист.наук. Улан-Удэ, 2000; Дагданова М. Б. Традиционный женский костюм западных бурят: дифференцированные функции.: Дис. ... канд.ист.наук. Улан-Удэ, 2005; Содномпилова М. М. Семантика жилища в традиционной культуре бурят. Иркутск, 2005; Она же. Пространство в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов.: Автореф. дис. докт. ист. наук. Улан-Удэ, 2011.

жизнеобеспечения был посвящен отдельный раздел, авторы (Н. Л. Жуковская, С. Г. Жамбалова, Д. А. Николаева) которого постарались обобщить результаты изучения российскими этнографами поселений и жилищ, костюма и пищи бурят³².

Обстоятельно были освещены на материалах культуры жизнеобеспечения проблемы межэтнического взаимодействия Байкальского региона XVII – начала XX в. в монографии О. В. Бураевой³³.

В настоящее время в Бурятии активно развиваются исследования на уровне этнолокальных сообществ. В историко-этнографических очерках о закаменских бурятах второй половины XIX – первой половины XX в. Г. Р. Галданова рассматривает различные компоненты культуры жизнеобеспечения³⁴. Поселения, жилища, внутреннее устройство жилища, народный костюм и пища затрагиваются в монографии С. Г. Жамбаловой, посвященной системе природопользования и традиционной экономике ольхонских бурят XIX–XX вв.³⁵, и в работе Д. М. Маншеева по хозяйству присаянских бурят конца XIX – начала XX в.³⁶.

И хотя материал в сфере изучения культуры жизнеобеспечения бурят накоплен огромный, в бурятоведческой литературе нет на сегодняшний день обобщающего исследования, раскрывающего последовательные этапы формирования и развития традиций жизнеобеспечения бурят во всем многообразии локальных вариантов за длительный исторический период – XVIII–XIX вв.

Именно этому посвящено авторское исследование, которое опирается на продолжающиеся с 1990–х гг. разработки проблем оценки традиционных технологий и вещевых комплексов бурят³⁷.

Методология исследования

Концептуально-методологическую основу диссертации составляет синтез разнообразных научных подходов и методов исследования, при этом базовыми являются разработанные в российской этнографической науке теории культуры и культуры жизнеобеспечения.

Разработка теории культуры и ее сфер в советской этнографии приходится на конец 1970–х гг. Под культурой, согласно признанному определению Э. С. Маркаряна, понимается внебиологически выработанный и передаваемый способ человеческой деятельности,

³² Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М, 2004.

³³ Бураева О. В. Этнокультурное взаимодействие народов Байкальского региона в XVII – начале XX в. Улан-Удэ, 2005.

³⁴ Галданова Г. Р. Указ. соч., 1992.

³⁵ Жамбалова С. Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.). Новосибирск, 2000.

³⁶ Маншеев Д. М. Традиционное скотоводческое хозяйство бурят Восточного Присяянья (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ, 2006.

³⁷ Бадмаев А. А. Ремесла агинских бурят (к проблеме этнокультурных контактов). Новосибирск, 1997.

ориентированный на адаптационно-адаптирующие механизмы³⁸. При этом в данной работе также учитывается предложенное С. А. Арутюновым³⁹ принципиальное различие культуры этноса и этнической культуры.

В рамках этнической культуры выделяется культура жизнеобеспечения. Ее теоретическое обоснование было изложено в монографии С. А. Арутюнова, Э. С. Маркаряна, Ю. И. Мкртумяна 1983 г.⁴⁰. Окончательную формулировку понятия «культура жизнеобеспечения» С. А. Арутюнов предложил в работе 1989 г., подчеркнув важность престижных, эстетических, ритуально-культовых и некоторых других аспектов⁴¹. В его редакции культура жизнеобеспечения трактовалась как та часть культуры, которая была направлена на поддержание жизнедеятельности ее носителей⁴².

При характеристике культуры жизнеобеспечения С. А. Арутюнов на примере системы питания ввел такие понятия, как «система», «модель», «тип». Им также выявлены закономерности становления и развития комплекса питания в связи с хозяйственно-культурными типами, обоснована возможность выделения в нем историко-генетических пластов.

Вслед за работами этого выдающегося ученого культура жизнеобеспечения и ее компонентный состав стали предметом широкого научного обсуждения. Свое мнение по этим вопросам высказали А. В. Головнев⁴³, Н. А. Томилов⁴⁴, А. Н. Ямсков⁴⁵, И. Ю. Трушкова⁴⁶, И. И. Назаров⁴⁷ и др.

В настоящее время разделительная черта в этом дискурсе проходит между теми, кто признает изначально предложенную структуру культуры жизнеобеспечения с допущением в ней небольших вариаций, и теми, кто считает возможным расширить предметно-объектную область исследований.

Расширительный подход к проблеме сформирован работами В. И. Козлова, который определяет жизнеобеспечение как «процесс удовлетворения жизненно важных материальных и духовных

³⁸ Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969.

³⁹ Арутюнов С. А. Указ. соч., 1989.

⁴⁰ Арутюнов С. А., Маркарян Э. С., Мкртумян Ю. И. Культура жизнеобеспечения и этнос. М., 1983.

⁴¹ Арутюнов С. А. Указ. соч., 1989.

⁴² Там же. С. 201.

⁴³ Головнев А. В. Указ. соч., 1995. С. 18–19.

⁴⁴ Томилов Н. А. Культура и ее структурные сферы // Культурологические исследования в Сибири. 2000. № 1. С. 39–43.

⁴⁵ Ямсков А. Н. История развития концепции этноэкосистемы в отечественной этноэкологии и характеристики ее структурных блоков // Экологии древних и современных обществ. Тюмень, 2003. Вып. 2. С. 271–273.

⁴⁶ Трушкова И. Ю. Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX – начале XX в. (система жизнеобеспечения): Дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2003.

⁴⁷ Назаров И. И. Традиционное хозяйство и культура жизнеобеспечения кумандинцев во второй половине XIX – XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004.

потребностей индивида и группы путем адаптации к природной и социально-культурной среде обитания и путем развития компонентов культуры, обеспечивающих успешность этой адаптации и всего процесса этнического воспроизводства⁴⁸. Всеобъемлющий характер данной дефиниции позволяет включить в сферу жизнеобеспечения многие явления.

Сторонником расширительной трактовки культуры жизнеобеспечения является И. Н. Белобородова, которая определяет ее как целостный групповой опыт социума в контексте взаимодействия «человек-природа» и освоение этим сообществом пространственно-временного континуума⁴⁹. С ее точки зрения, базовым в изучении культуры жизнеобеспечения следует признать «социально-территориальную систему», как некую результирующую социологической и культурологической характеристик региона⁵⁰.

Подобной же позиции придерживается и И. Ю. Трушкова, которая предлагает через введение положения о культурных технологиях представлять традиционную культуру как культуру жизнеобеспечения. Культурные технологии исследовательница рассматривает как механизмы культурной деятельности в разных сферах общественной жизни, направленные на созидание. Она разводит понятия «культура жизнеобеспечения» и «система жизнеобеспечения», понимая под культурой жизнеобеспечения – комплекс механизмов обеспечения жизни на разных стадиях развития культуры (доиндустриальной, индустриальной и т. д.), а под «системой жизнеобеспечения» – комплекс элементов и явлений культуры, направленный на обеспечение процессов жизнедеятельности человеческого сообщества⁵¹.

Широкое толкование культуры жизнеобеспечения характерно не только для российской этнографии, но и для науки стран СНГ, например, Казахстана. Так, Н. А. Алимбай рассматривает в ее структуре, помимо поселений, жилища, одежды, утвари и мебелировки, различные виды народных знаний⁵²; Т. А. Сулейменов определяет культуру жизнеобеспечения как систему повседневных практик и структур сакральности, ориентированных на удовлетворение потребностей человека

⁴⁸ Козлов В. И. Жизнеобеспечение этноса: Содержание понятия и его экологические аспекты // Этническая экология. Теория и практика. М., 1991. С. 26.

⁴⁹ Белобородова И. Н. Культура жизнеобеспечения: этнографические аспекты изучения социально-природных систем // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Москва (8–11 июня 1999 г.). М., 1999. С. 62–63.

⁵⁰ Белобородова И. Н. Традиционное природопользование русских Архангельского Севера: историко-этнологический подход к определению исследовательского поля // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2008. № 1.

⁵¹ Трушкова И. Ю. Указ. соч., С. 31.

⁵² Алимбай Н. А. Община как социальный механизм жизнеобеспечения в кочевой этноэкосистеме // Алимбай Н. А., Муканов М. С., Аргынбаев Х. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. Алматы, 1998. С. 10–61.

и уравновешенных друг с другом⁵³. При этом он противопоставляет культуры жизнеобеспечения оседло-земледельческой и кочевой традиций.

Отдельного упоминания заслуживает концепция А. Н. Ямскова. Ориентируясь на точку зрения В. И. Козлова, он вводит понятие «культура материального жизнеобеспечения», ограничивая его такими компонентами как пища, одежда и жилище, которые, как он считает, обладают функциями регулирования энергетических связей организма человека с природной средой. При этом, ученый исключает поселения из компонентов культуры материального жизнеобеспечения, т. к. они эти функции не выполняют. Поселения он относит к культуре расселения, которую объединяет с культурой первичного производства в рамках «культуры природопользования и расселения»⁵⁴.

Авторская позиция предполагает, что культура жизнеобеспечения структурно подразделяется на основные компоненты (жилищно-поселенческий комплекс и комплекс питания) и периферийные (интерьер жилища и костюм).

Изучение культуры жизнеобеспечения невозможно без обращения к теории адаптации, получившей всестороннее развитие благодаря работам зарубежных и российских авторов – специалистов в этнографии, биологии, психологии и т. д.

Отечественная библиография по проблеме адаптации значительна. Первые труды по этой проблеме были связаны с этнической экологией (Э. С. Маркарян⁵⁵, И. И. Крупник⁵⁶, В. И. Козлов⁵⁷ и др.), в дальнейшем большое внимание было уделено рассмотрению разнообразных аспектов социокультурной и этнокультурной адаптации (Арутюнян Ю. В.⁵⁸, Р. Г. Кузеев⁵⁹, З. П. Соколова⁶⁰, В. А. Тишков⁶¹, О. Н. Шелегина⁶², А. Ю. Майничева⁶³, А. Н. Ямсков⁶⁴ и др.).

⁵³ Сулейменов Т. А. О некоторых особенностях культуры жизнеобеспечения кочевой цивилизации. URL: http://www.rusnauka.com/7_NND_2009/Philosophia/42964.doc.htm (дата обращения: 09.06.2011)

⁵⁴ Ямсков А. Н. Указ. соч., 2008.

⁵⁵ Маркарян Э. С. К экологической характеристике развития этнических культур // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981. С. 96–109; Он же. Локальные исторические особенности культуры и процессы экологической адаптации // ВАН СССР. 1981. № 1. С. 111–117.

⁵⁶ Крупник И. И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989.

⁵⁷ Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии // СЭ. 1983. № 1. С. 3–16.

⁵⁸ Арутюнян Ю. В. Армяне в Москве (по результатам сравнительного исследования) // Социологические исследования. 2001. № 11. С. 13–21; Он же. Армяне-россияне: опыт социально-культурной адаптации // Общественные науки и современность. 2010. № 4. С. 92–99; Он же. Трансформация постсоветских наций. М., 2003.

⁵⁹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав и история расселения. М., 1974.

⁶⁰ Соколова З. П. Адаптивные свойства культуры народов Севера // СЭ. 1991. № 4. С. 3–17.

В рамках авторского исследования операционное понятие «адаптация» (в российской этнографии обычно определяемое как приспособление человека, народа к среде обитания, и результат этого процесса) было использовано при рассмотрении миграций бурят XVIII в. в границах Восточного Приаянья, Западного Забайкалья, Восточного Прибайкалья. Одновременно с процессом хозяйственно-культурной адаптации к новым экологическим зонам происходила и социокультурная адаптация, имевшая как внутриэтнический (на уровне сообществ, вошедших в формирующийся бурятский народ), так и внеэтнический (адаптация различных групп бурят к изменениям этнического и социально-экономического контекста) характер.

Теоретическую базу исследования также составили работы ведущих отечественных и иностранных исследователей Т. Дж. Барфилда⁶⁵, С. И. Вайнштейна⁶⁶, Н. Л. Жуковской⁶⁷, Н. Н. Крадина⁶⁸, Г. Е. Маркова⁶⁹, Н. Э. Масанова⁷⁰, А. М. Хазанова⁷¹ и др., посвященные проблемам номадизма.

Важное значение для данной работы имели известные в отечественной науке определение номадизма и опыт типологии скотоводческих хозяйств и форм кочевания (см. С. И. Вайнштейн и др.)⁷².

⁶¹ Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001.

⁶² Шелегина О. Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири (Историко-этнографические аспекты. XVII–XIX вв.). М., 2001. Вып. 1; Она же. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Социокультурные аспекты. XVIII – начало XX в. М., 2002. Вып. 2.

⁶³ Майничева А. Ю. Русские Сибири: зодчество в аспекте этнокультурной адаптации. XVII–XX вв. Автореф. дис. докт. ист. наук. Новосибирск, 2005.

⁶⁴ Ямсков А. Н. Культура и культурная адаптация в этноэкологических исследованиях: к вопросу о содержании некоторых понятий и терминах // Эволюция. 2005. № 2. С. 50–53; Он же. Социально-демографические показатели адаптированности сельского населения к постсоветским условиям жизни // Экология древних и современных обществ: тез. докл. конф. Тюмень, 2007. Вып. 3. С. 302–305.

⁶⁵ Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / Пер. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова; науч. ред. и пред. Д. В. Рухлядева. СПб., 2009.

⁶⁶ Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев: проблемы кочевого хозяйства. М., 1972; Он же. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СЭ. 1976. № 4. С. 42–51; Он же. Мир кочевников центра Азии. М., 1991.

⁶⁷ Жуковская Н. Л. Категория и символика традиционной культуры монголов. М., 1988; Она же. Пища кочевников Центральной Азии (к вопросу об экологических основах формирования модели питания) // СЭ. 1979. № 5. С. 64–75; Она же. Судьба кочевой культуры. Рассказы о Монголии и монголах. М., 1990; Она же. Указ. соч., 2000.

⁶⁸ Крадин Н. Н. Кочевые общества. Владивосток, 1992; Он же. Империя Хунну. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2001; Он же. Указ. соч., 2000.

⁶⁹ Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976; Он же. Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии. М., 1973.

⁷⁰ Масанов Н. Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX вв. Алма-Ата, 1984; Он же. Указ. соч., 1995.

⁷¹ Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002.

⁷² Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов. / Отв. ред. С. А. Артунов. М., 1989. Вып. 3.

В авторском исследовании использовалась выдвинутая А. М. Хазановым классификация форм скотоводства, базирующаяся на изменении пропорций между скотоводством и земледелием в экономике традиционных обществ⁷³. С точки зрения общего понимания номадизма классификация А. М. Хазанова выглядит более предпочтительной: он выделяет, помимо кочевого, полукочевого и полуоседлого скотоводства, пастушеское (отгонно-пастбищное) и яйлажное.

В классификации С. И. Вайнштейна, созданной в результате изучения культур Южной Сибири, есть привлекательный для исследования культуры жизнеобеспечения аспект – развитие поселений и жилищ у скотоводов. В данной работе указанные типологии будут использоваться для характеристики бурятского хозяйства в XVIII–XIX вв.

Также учитывались при анализе культуры жизнеобеспечения бурят сформулированные А. М. Хазановым общетеоретические положения, например, о том, что эволюция экономики и социально-политических институтов у кочевников была связана с эволюцией внешнего оседло-земледельческого мира. Важными в контексте изучаемой темы являются сделанные им выводы об обязательном присутствии в рационе кочевников, наряду с пищей животного происхождения, растительных продуктов⁷⁴.

Постулируя неавтаркичность номадной экономики, А. М. Хазанов указывает, что седентаризация приводит к коренной структурной ломке кочевого общества и бывает успешной только там, где земледелие является альтернативной возможностью и имеет экономические преимущества перед кочевым скотоводством⁷⁵. Правда, он оговаривается, что в маргинальных областях земледелие могло быть менее выгодным, чем в традиционных зонах, отсюда заключает, что полная седентаризация кочевников возможна при условии их миграции в благоприятные для земледелия экологические зоны⁷⁶.

Оценка особенностей культуры жизнеобеспечения бурят также опиралась на теоретические взгляды Н. Э. Масанова. Им были выделены *экосистемы* (ареалы номадизма) и пограничные между экосистемами *эктоны* (маргинальные зоны)⁷⁷. К экотонам ученым была отнесена Южная Сибирь, в границах которой располагается и Байкальский регион. Субаридная (маргинальная) зона, по его мнению, благоприятствовала ведению комплексного «полукочевого» хозяйства, в котором земледелие имело большой удельный вес⁷⁸, а другие нескотоводческие занятия могли в ней приобретать самостоятельное значение.

⁷³ Хазанов А. М. Указ. соч., 2002. С. 85–96.

⁷⁴ Там же. С. 115.

⁷⁵ Там же. С. 171.

⁷⁶ Там же. С. 325–326.

⁷⁷ Масанов Н. Э. Указ. соч., 1995. С. 21.

⁷⁸ Там же. С. 23.

По мысли казахстанского этнолога, из-за неустойчивости социально-экономической ситуации, вызванной постоянной трансформацией хозяйственных занятий, процессы этнообразования протекали медленнее в экотонах, чем в ареальных зонах. В целом, эволюция номадизма, с точки зрения Н. Э. Масанова, происходила путем перехода от меньшей ко все большей подвижности, вместе с этим менялась и материальная культура кочевников, подстраиваемая под новый образ жизни и тип хозяйства⁷⁹.

На рубеже XX–XXI вв. проявилась тенденция переноса теоретических выводов номадологии, сделанных на материалах древности и средневековья, на исследования этнических культур. Примером тому являются изыскания Н. Н. Крадина⁸⁰. Рассматривая вопросы формирования и эволюции общественного устройства и экономики у кочевников Центральной Азии, он, в частности, приходит к заключению о трансляции многих черт номадной культуры из древности до нового времени⁸¹. Заслугой ученого является анализ современного состояния скотоводства у тувинцев, агинских бурят и монголов Внутренней Монголии, на основе которого им выделяются три варианта трансформации скотоводства в современности, имеющие экстенсивный или интенсивный характер⁸².

Опираясь на исторические и культурно-генетические изыскания в оценке культуры жизнеобеспечения бурят в динамике, автор обращался к некоторым положениям теории модернизации, разработчиками которой считаются Т. Парсонс⁸³, П. Бергер⁸⁴ и др.

В ходе освоения этой теории в постсоветской российской литературе появилось множество трудов, в которых предлагается модернистское видение истории (А. А. Ахиезер⁸⁵, И. В. Герасимов⁸⁶, И. Г. Яковенко⁸⁷, О.

⁷⁹ Масанов Н. Э. Указ. соч., 1995. С. 42.

⁸⁰ Крадин Н. Н. Указ. соч., 2000.

⁸¹ Крадин Н. Н. Указ. соч., 2001. С. 161.

⁸² Крадин Н. Н. Складывание патронажно-клиентных отношений в современном скотоводческом хозяйстве агинских бурят // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток, 2002. С. 249–257; Он же. Процессы трансформации скотоводческого хозяйства в Туве и Забайкалье на рубеже XX–XXI вв. // Этнографическое обозрение. 2016. № 2. С. 8–27; Крадин Н. Н., Янков А. Г. Трансформационные процессы в скотоводческом хозяйстве бурят-монгольских кочевников на рубеже XX – XXI вв. // Вестник РГНФ, 2006. № 4. С. 177–186.

⁸³ Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль / Под ред. В. И. Добренькова. М., 1994. С. 464–481; Он же. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль / Под ред. В. И. Добренькова. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. С. 344–402.

⁸⁴ Berger P. L. The Heretical Imperative. Contemporary Possibilities of Religious Affirmation. N.Y., 1979.

⁸⁵ Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта. В 3-х т. М.: Философское об-во СССР, 1991. Т. 1.

⁸⁶ Герасимов И. В. Российская ментальность и модернизация // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 63–73.

Л. Лейбович⁸⁸, В. В. Алексеев, С. А. Нефедов, И. В. Побережников⁸⁹, Л. Е. Гринин⁹⁰, А. В. Коротаев⁹¹ и др.).

Продуктивными для данного исследования представляются идеи А. Тоффлера о явлениях футуурошока и культуурошока, возникающих в ходе быстротечных и кардинальных изменений в обществе при низком адаптационном потенциале населения⁹². Отметим, что и другие зарубежные исследователи (Э. Гидденс⁹³, Р. Инглегарт⁹⁴ и др.) обращают внимание на взаимосвязь процессов модернизации и адаптации (адаптивность социума к модернизации, социокультурная ригидность населения к изменяющимся условиям и т. д.). Кроме того, несомненно важность имеют предложенные в рамках модернистского учения представления о многофакторном влиянии модернизации и ее полиструктурности (Р. Инглегарт, З. Т. Голенкова⁹⁵ и др.). Начало перехода от доиндустриального общества к индустриальному было связано в России с резкими изменениями в социально-политической, экономической, правовой и др. сферах жизни. Одним из следствий этого перехода стали массовые миграционные потоки в Сибирь, которые, в частности, активизировали межэтнические взаимодействия в Байкальском регионе. В то же время проводимые на рубеже XIX–XX вв. землеустроительная и волостная реформы, развитие капиталистических отношений в регионе потребовали вынужденную адаптацию бурят к модернизационным процессам.

⁸⁷ Яковенко И. Г. Цивилизация и варварство в истории России // *Общественные науки и современность*. 1995. № 4. С. 66–78; № 6 С. 78–85; 1996. № 3. С. 104–111; № 4. С. 87–97.

⁸⁸ Лейбович О. Л. Модернизация в России. К методологии изучения современной отечественной истории. Пермь, 1996.

⁸⁹ Алексеев В. В. Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М., 2000; Алексеев В. В., Нефедов С. А., Побережников И. В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии (к постановке проблемы) // *Уральский исторический вестник*. 2000. № 5–6. С. 152–183; Алексеев В. В., Побережников И. В. Школа модернизации: эволюция теоретических основ // *Уральский исторический вестник*. 2000. № 5–6. С. 8–49.

⁹⁰ Гринин Л. Е. Методологические основания периодизации истории // *Философские науки*. 2006. № 8. С. 117–123; № 9. С. 127–130; Он же. Периодизация истории: теоретико-математический анализ // *История и Математика: проблемы периодизации исторических макропроцессов* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М., 2006. С. 53–79; Он же. Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса. М., 2007; Он же. Производственные революции и периодизация истории // *Вестник Российской Академии наук*. 2007. № 7/4. С. 309–315.

⁹¹ Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы. М., 2008.

⁹² Тоффлер А. Футуурошок. СПб., 1997.

⁹³ Гидденс Э. Последствия модернити // *Новая постиндустриальная волна на Западе* / Под ред. В. Иноземцева. М., 1999. С. 101–122.

⁹⁴ Inglehart R. Globalization and Postmodern Values // *The Washington Quarterly*. 1999. Vol. 23 (1); Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация // *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология* / Под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 261–291.

⁹⁵ Голенкова З. Т. Теории модернизации // *Российская социологическая энциклопедия* / Под ред. Г. В. Осипова. М., 1998. С. 552–553.

При подготовке диссертации учитывались основные положения и выводы, содержащиеся в трудах историков-бурятоведов Е. М. Залкинда, И. А. Асалханова, И. Б. Батуевой, С. Г. Жамбаловой, Д. М. Маншеева и др., исследовавших развитие хозяйства бурят в дореволюционный период.

В квалификационном сочинении также использовались концептуальные положения, изложенные в работах: Д. Д. Нимаева, Б. Р. Зориктуева, Б. З. Нанзатова, Л. Р. Павлинской⁹⁶ и др. по проблемам этногенеза и этнической истории бурят; в исследовании О. В. Бураевой – по этнокультурному взаимодействию народов Байкальского региона⁹⁷; в трудах Т. Д. Скрынниковой – по социально-политической организации средневековых монголов⁹⁸; Л. Л. Викторовой – по происхождению монголов и генезису их культуры⁹⁹.

Важными в методологическом плане были исследования, касающиеся: теории изучения поселений и жилищ народов Сибири (А. А. Попов¹⁰⁰, З. П. Соколова¹⁰¹, В. А. Липинская¹⁰², А. Ю. Майничева¹⁰³, И. Л. Кызласов¹⁰⁴ и др.¹⁰⁵); истории формирования расселения сибирских народов (В. М. Кабузан¹⁰⁶, Н. А. Томилов¹⁰⁷, М. М. Громько¹⁰⁸, В. Н. Курилов¹⁰⁹ и др.);

⁹⁶ Зориктуев Б. Р. Прибайкалье в середине VI – начале XVII века. Улан-Удэ, 1997; Он же. Актуальные проблемы истории монголов и бурят. М., 2011; Нанзатов Б. З. Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.). Иркутск, 2005. С. 122–123; Нимаев Д. Д. Проблемы этногенеза бурят. Новосибирск, 1988; Он же. Буряты: этногенез и этническая история. Улан-Удэ, 2000; Павлинская Л. Р. Буряты. Очерки этнической истории (XVII–XIX вв.). СПб., 2008.

⁹⁷ Бураева О. В. Указ. соч., 2005а.

⁹⁸ Скрынникова Т. Д. Монголы: модель социополитической организации кочевников // *Studia ethnologica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Mongoli*. Улан-Батор; Улан-Удэ, 2000. Т. XII. Fasc. 11. С. 346–364; Она же. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М., 1997.

⁹⁹ Викторова Л. Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.

¹⁰⁰ Попов А. А. Жилище // *Историко-этнографический атлас Сибири*. М.; Л., 1961. С. 131–226.

¹⁰¹ Соколова З. П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М., 1998.

¹⁰² Липинская В. А. Опыт анализа фотопланов при историко-этнографическом изучении поселений (по материалам Алтайского края) // *Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири*. М., 1974. С. 236–280; Она же. Русское население Алтайского края: Народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.). М, 1987; Она же. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII–XX в. М., 1996.

¹⁰³ Майничева А. Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2002; Курилов В. Н., Майничева А. Ю., Люцидарская А. А. Освоение Сибири: сохранение и трансформация русской культуры в XVII – начале XX в.: Историко-этнографические очерки. Новосибирск, 2005.

¹⁰⁴ Кызласов И. Л. Алтаистика и археология. М., 2011.

¹⁰⁵ Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994. Т. I: Поселения и жилища. Кн. 1.

¹⁰⁶ Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в.: По материалам ревизий. М., 1963; Он же. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в.: По материалам ревизий. М., 1971.

¹⁰⁷ Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. Новосибирск, 1992.

¹⁰⁸ Громько М. М. Западная Сибирь в XVIII в.: русское население и сельскохозяйственное освоение. М., 1965.

интерьера жилища (Е. А. Бломквист¹¹⁰, Е. Г. Федорова, Л. В. Хомич¹¹¹ и др.); традиционной одежды (Н. И. Гаген-Торн¹¹², Н. Ф. Прыткова, Н. И. Лебедева¹¹³, Г. С. Маслова¹¹⁴, П. Г. Богатырев¹¹⁵, Е. Ф. Фурсова¹¹⁶ и др.); пищи (С. И. Шитова и др.¹¹⁷).

Таким образом, в авторском исследовании культура жизнеобеспечения бурят представляет собой сложное и многогранное явление, интерпретация которого возможна в рамках системного комплексного подхода с использованием широкого спектра концептов и методов.

Важнейшим общенаучным принципом, которому автор следовал при подготовке работы, является *принцип историзма*. Его использование позволило рассмотреть компоненты культуры жизнеобеспечения бурят как в конкретно-историческом контексте, так и в развитии, и во взаимосвязи друг с другом. Основные тенденции в развитии исследуемого явления были выявлены на фоне изменений, протекавших в других сферах культуры – хозяйственной, религиозной и т. д.

Другой научный *принцип – объективности* – предполагает взвешенную оценку событий, максимально полное их отражение, всестороннее

¹⁰⁹ Курилов В. Н. Русский субэтнос Западной Сибири в середине XIX в.: расселение и топонимия: Автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 2002.

¹¹⁰ Бломквист Е. А. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 5–45.

¹¹¹ Федорова Е. Г. Берестяная утварь народов Сибири. Конец XIX – первая половина XX в. // Памятники материальной культуры народов Сибири. СПб., 1994. С. 76–119; Хомич Л. В. Колыбель в традиционной культуре народов Сибири // Памятники материальной культуры народов Сибири. СПб., 1994. С. 120–163.

¹¹² Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья. Материалы к этногенезу. Чебоксары, 1960; Она же. Магическое значение волос и головного убора // СЭ. 1933. № 5–6. С. 76–88.

¹¹³ Прыткова Н. Ф. Верхняя одежда // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 227–328; Она же. Головные уборы // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 329–368; Она же. Типы верхней одежды народов Сибири // Краткие сообщ. / Ин-т этнографии. 1952. Вып. 15. С. 19–22.

¹¹⁴ Лебедева Н. И., Маслова Г. С. Русская крестьянская одежда XIX – начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 193–267; Они же. Русская крестьянская одежда как материал к этнической истории народа // Сов. этнография. 1956. № 4. С. 18–31; Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984.

¹¹⁵ Богатырев П. Г. Функции костюма в Моравской Словакии // Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 297–368.

¹¹⁶ Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1997.

¹¹⁷ Шитова С. Н., Гаделгарева Р. Г. Злаки в повседневной, праздничной и обрядовой пище башкир в конце XIX – начале XX в. М., 1979. С. 78–125; Этнография питания народов стран зарубежной Азии. М., 1981; Традиционная пища как выражение этнического самосознания / Под ред. С. А. Арутюнова, Т. А. Ворониной. М., 2001; Хлеб в народной культуре: Этнографические очерки. / Под ред. С. А. Арутюнова, Т. А. Ворониной. М., 2004; Хмельное и иное: Традиционные напитки народов Евразии / Под ред. С. А. Арутюнова, Т. А. Ворониной. М., 2008; Кулинарные традиции мира: Современная энциклопедия / Вед. ред. Е. Ананьева. М., 2003.

исследование материала. Соблюдение данного принципа в работе было связано с разносторонним изучением компонентов культуры жизнеобеспечения бурят, с критическим анализом привлекаемых источников.

В диссертации были использованы общенаучные подходы (системный, типологический, сравнительный) и методы (анализ, синтез, аналогия, обобщение), а также общеисторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, ретроспективный, проблемно-хронологический) и методы из смежных научных дисциплин (статистический и анализа документов).

Исследование культуры жизнеобеспечения как целостной системы со своей внутренней структурой, организацией и связями, позволяет увидеть процессы ее формирования и становления в целом и на уровне отдельных компонентов. Применение *системного подхода* к изучаемому явлению помогает определить взаимообусловленный характер изменений, происходивших в разных компонентах и элементах культуры жизнеобеспечения бурят.

В диссертационном исследовании культура жизнеобеспечения бурят рассматривается через призму сложившихся в ней локальных вариантов. При этом в них вычлняются как общие, так и специфические элементы культуры. *Сравнительный подход* дает возможность определить: уровень общего и особенного в культуре жизнеобеспечения на разных этапах исторического развития; способы передачи культурных традиций; механизмы восприятия заимствований и выработки новаций, их распространения в этнической среде. Данный методологический подход способствовал вычленению как общих тенденций, так и специфики различных этнотерриториальных и этнолокальных групп на разных этапах истории бурят.

С привлечением *историко-генетического метода* была установлена эволюция в XVIII–XIX вв. основного ядра традиций в культуре жизнеобеспечения бурят.

Применение *историко-типологического метода* связывается с привлечением в исследовании признанных в российской этнографии классификационных схем (З. П. Соколовой, П. Г. Богатырева, С. А. Арутюнова и др.), служащих выделению из широкого круга признаков наиболее важных и особенных. Благодаря этому были реконструированы распространенные в изучаемое время у бурят типы жилищ, поселений, одежды и т. д.

На основе сохранившихся источников была осуществлена *ретроспекция* компонентов и элементов культуры жизнеобеспечения бурят XVIII в., для этого автор обращался к материалам более позднего времени.

Проблемно-хронологический метод определил структуру работы и позволил раскрыть основные проблемы исследования (адаптацию, генезис, эволюцию, трансформацию) в хронологической последовательности.

Методика исследования обуславливалась характером привлеченных источников.

Сбор полевого материала осуществлялся *методами непосредственного наблюдения и фиксации* (фотографированием, видеосъемкой, замерами). В ходе полевых сезонов с 1997 г. по 2011 г. осуществлялась обязательная аудио- и видеозапись рассказов информаторов с дублированием их в полевом дневнике; беседа строилась на основе подготовленного вопросника. Во время экспедиций автор обращался к методу эксперимента (соучастия) при проведении традиционных технологических процессов. Прямое участие происходило при проведении религиозных и иных обрядов, что давало возможность увидеть функционирование предметов утвари, блюд, одежды и т. д.

Исследования также были связаны с изучением музейных коллекций и архивных фондов, каждый из этих видов источников потребовал использование соответствующей методики работы. При работе с музейными коллекциями изучались предметные каталоги, проводилась фиксация артефактов путем их обмера и зарисовки. Обязательной была беседа с музейными работниками, которые могли поделиться ценными сведениями по истории вещевых коллекций. Благодаря всему этому решались вопросы генезиса и эволюции, классификации, определялись локальные особенности костюмного комплекса, домашней утвари и мебели и др.

Традиционный анализ и статистический метод использовались при обработке данных архивных и опубликованных статистических источников, что позволяло выявить динамику развития жилищно-поселенческого комплекса и системы питания у бурят в течение XIX в. На основе изучения статистических данных были определены тенденции в развитии упомянутых выше компонентов культуры жизнеобеспечения.

Сопоставление и сочетание в работе данных из разных видов источников на уровне отдельных территориальных групп, позволило осуществить историческую ретроспекцию, показать динамику развития элементов и компонентов культуры жизнеобеспечения бурят, сложившуюся локальную специфику.

Источниковая база исследования объединяла такие разноплановые источники, как письменные (законодательно-нормативные, делопроизводственные, статистические, источники личного происхождения и др.), вещественные (музейные, изобразительные), полевые этнографические и др. Ее формирование определил принцип, стандартный для любого исторического исследования, – опираться на

максимальное число источников при обязательном соблюдении их репрезентативного сочетания¹¹⁸.

Одним из важных видов источников являются *полевые материалы*, в основном собранные автором в период с 1997 г. по 2011 г. в рамках деятельности этнографических отрядов ИАЭТ СО РАН. Полевыми исследованиями были охвачены основные ареалы проживания бурят в Республике Бурятия (РБ) и Агинском Бурятском округе (Забайкальский край), всего в 12 сельских административных районах. Проведено около 20 экспедиционных выездов, при этом было обследовано более 90 населенных пунктов. В ходе полевых экспедиций были сделаны записи информаторов, которые в количественном выражении составляют 19 полевых дневников и 30 тетрадей с расшифровкой аудио- и видеозаписей. В итоге был собран разнообразный этнографический материал по традиционной культуре жизнеобеспечения бурят.

Сбор полевых сведений по культуре жизнеобеспечения выполнялся по специально созданной программе, которая в ходе многолетних исследований корректировалась. Полученный массив данных отображает функционирование традиции примерно в диапазоне с конца XIX – по первую треть XX в.

При сборе полевого материала главным являлся *метод интервьюирования*, применение которого на практике, в частности, потребовало разработки специальных вопросников на бурятском языке; это было сделано с целью получения наиболее полной и адекватной информации от возрастной категории респондентов. Аудио- и видеозаписи устных рассказов информаторов, как правило, людей пожилого и преклонного возрастов (среди которых были знатоки прошлого), дали значительный массив данных по всем компонентам культуры жизнеобеспечения основных этнических подразделений бурят.

Другой метод полевой этнографии – *метод непосредственного наблюдения* – позволил зафиксировать бытующие в современности традиции в жилищно-поселенческом комплексе, комплексе питания, костюмном комплексе, во внутреннем устройстве бурятского жилища. Осуществлялась видео- и фотосъемка сохранившихся образцов традиционных типов жилищ, хозяйственных построек, предметов интерьера, народного костюма, различных ремесленных технологий. Фиксировалось использование вещей и пищи в ритуальных практиках и обрядности.

Дополнительную информацию удалось получить при изучении этнографических коллекций школьных, сельских, районных музеев РБ и Агинского Бурятского округа, региональных (РБ, Иркутской области) и центральных музеев России, включая Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (г. Санкт-Петербург) и Российский этнографический

¹¹⁸ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Учебн. пособие. М., 1977.

музей (г. Санкт-Петербург). Богатые собрания имеются в экспозициях и фондах Этнографического музея народов Забайкалья (г. Улан-Удэ) и Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). Повторяемость и массовость предметов традиционной культуры в различных музейных коллекциях позволяет проводить сопоставление, выявлять общие и локальные черты в культуре жизнеобеспечения бурят середины XIX – начала XX в.

Вся совокупность полевых и музейных материалов позволила реализовать авторское исследование в полном объеме.

Важной частью документального фонда данной работы стали *законодательно-нормативные акты*, которые изучались с целью определения условий формирования и развития бурятского народа и его культуры. Они были представлены законами Российской империи, положениями, правилами, регламентировавшими систему управления, судопроизводства, хозяйствования и т. д. Эти законодательные источники были опубликованы, в частности, в Сборнике «Полное собрание законов Российской империи» 1830 г.

Основной корпус источников для исследования составляют архивные материалы, полученные в ходе изучения фондов Российского государственного архива древних актов (г. Москва), Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург), Государственного архива Республики Бурятия (г. Улан-Удэ), Архива востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения (г. Санкт-Петербург), Государственного архива Иркутской области (г. Иркутск), Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (г. Улан-Удэ). В целом, в работе нашли отражение сведения в общей сложности из 24 фондов 6-ти архивов Российской Федерации; при этом были сделаны выписки из более 300 исторических документов XVIII–XIX вв.

Архивные данные (большой частью неопубликованные) дали возможность реконструкции развития и трансформации компонентов культуры жизнеобеспечения бурят, начиная со второй трети XVIII – по начало XX в.

В исследовании использовались материалы Российского государственного архива древних актов (РГАДА), среди которых интерес представляют фонд 24 «Сибирский приказ и управление Сибирью» и фонд 199 «Портфели Г. Ф. Миллера», позволяющие реконструировать реалии бурятской культуры XVIII в.

В структуре привлеченных архивных материалов основное место занимают сведения из *делопроизводственных* и *статистических* документов 11 бурятских Степных дум, хранящихся в фондах Государственного архива РБ. Они имеют разную степень сохранности, поэтому их изучение было неравномерным. Отметим, что

востребованными оказались, прежде всего, сведения за первую половину XIX в.

Из всего состава использованных в диссертации архивных источников стоит выделить такие категории документов, как правительственные циркуляры, переписка между инородческими ведомствами и надзирающими за ними органами власти, судебные дела и т. д. Наибольший интерес представляли годовые отчеты и статистические сведения Степных дум и инородных управ, показывающие развитие хозяйства бурят, структуру населенных мест, характер жилья и пр. на протяжении XIX в. Помимо этого, изучались документы, позволяющие выявить изменения, происходившие прежде всего в костюмном комплексе и внутреннем убранстве бурятского жилища.

Сравнительный анализ архивных данных по разным территориальным группам дал возможность выделить общие тенденции и локальные особенности в культуре жизнеобеспечения бурят, позволил поэтапно проследить количественные и качественные изменения, которые претерпевали компоненты культуры жизнеобеспечения.

Часть письменных сведений по теме исследования была найдена в Российском государственном историческом архиве (РГИА), при этом особую ценность представили фонды: «Первый сибирский комитет» (Ф. 1264); «Второй сибирский комитет» (Ф. 1265); «Совет министров» (Ф. 1281), основная часть документов которых датируется первой половиной XIX в.

В диссертации использованы опубликованные *источники личного происхождения, бурятские летописи*¹¹⁹.

Большое значение для данной работы имеют мемуарные материалы, к их числу относятся изданные в Бурятии в последние десятилетия рукописи выдающихся представителей этнической элиты Ц. Ж. Жамцарано, Г. Д. Нацова¹²⁰.

Важными источниками для разработки темы квалификационной работы являются изданные М. П. Алексеевым¹²¹, Г. Н. Румянцевым¹²², Э.

¹¹⁹ Бурятские летописи / Сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ, 1995; Бадмаева Л. Б. Летопись Вандана Юмсунова – памятник письменной культуры бурят XIX в. Улан-Удэ, 2007.

¹²⁰ Жамцарано Ц. Ж. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ, 2001; Нацов Г. Д. Материалы по истории и культуре бурят / Введ., пер. и примеч. Г. Р. Галдановой/. Улан-Удэ, 1995. Ч.1.

¹²¹ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии. XIII–XVII вв. Изд. 2-е. Иркутск, 1941; Он же. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии. XIII–XVII вв. Новосибирск, 2006. LXXII (СО РАН, Избранные труды)

¹²² Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного флота штурманом ранга капитана Мих. Татаринным / Подготовка к печати, введение и примечания Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ, 1958.

П. Зиннером¹²³, Н. В. Кимом¹²⁴, А. З. Хамархановым¹²⁵ и другими авторами сведения о бурятах из малодоступных письменных источников конца XVII – XVIII в.¹²⁶.

Представляет интерес в целом литература конца XVII – начала XX в., содержащая описания повседневного быта бурят¹²⁷. Сюда относятся записки, составленные чиновниками, учеными и краеведами, очерки, путевые заметки, письма, экономико-географические и краеведческие описания, энциклопедии. Наиболее весомыми из них являются те, авторы которых длительное время наблюдали за жизнью и бытом бурят. Некоторые из них выражали свои субъективные взгляды на культуру бурят; что делало необходимым критически оценивать эти сведения.

Обстоятельные описания элементов культуры жизнеобеспечения даны в периодической печати XIX в. – в статьях столичных журналов и местной периодики. В ряду таких изданий: «Вестник ИРГО», «Древняя и новая Россия», «Журнал министерства внутренних дел», «Иркутские епархиальные ведомости», «Записки ИРГО», «Казанский вестник», «Калейдоскоп», «Магазин земледения и путешествий», «Молва», «Новое слово», «Отечественные записки» и др. В журнальных материалах XIX – начала XX в. имеются ценные сведения об отдельных элементах культуры жизнеобеспечения бурят.

При характеристике корпуса источников стоит также упомянуть опубликованные статистические материалы, в особенности работу С. К. Патканова¹²⁸, где в систематизированном виде представлены итоги Первой переписи населения Российской империи 1897 г.

¹²³ Зиннер Э. П. Указ. соч.

¹²⁴ Ким Н. В. Материалы Ланганса о культуре и быте бурят // Культура и быт народов Бурятии. Улан-Удэ, 1965. Вып. 4. С. 145–156; Он же. О литературных источниках XVIII века по истории земледелия у бурят // Исследования и материалы по истории Бурятии. Труды БИОН БФ СО АН СССР. Улан-Удэ, 1973. Вып. 20. С. 133–138.

¹²⁵ Хамарханов А. З. О культуре и быте монгольских народов в труде Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» // Культурно-бытовые традиции бурят и монголов. Сб. ст. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1988. С. 143–161.

¹²⁶ Басанова Э. Г. Джон Белль о Бурятии // Этногр. Сб. 1969. Вып. 5. С. 200–223.

¹²⁷ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннотированный указатель книг и публикаций в журналах / Научн. рук-во, ред. и введение П. А. Зайончковского. М., 1976. Т. 1: XV–XVIII вв.; История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннотированный указатель книг и публикаций в журналах / Научн. рук-во, ред. и введение П. А. Зайончковского. М., 1978. Т. 2. Ч. 2: 1801–1856; История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннотированный указатель книг и публикаций в журналах / Научн. рук-во, ред. и введение П. А. Зайончковского. М., 1981. Т. 3. Ч. 3: 1857–1894; Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века / Отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск, 2010.

¹²⁸ Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев / С. К. Патканов. СПб., 1912. Т. 3: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Приморская обл. и о. Сахалин. С. 433–1002. (Зап. ИРГО. Отд-ние статистики. Зап. Т. 11, вып. 3).

В качестве важного источника для работы выступают также различные словари, составленные авторами XVIII в. (лексиконы Г. Ф. Миллера, Я. И. Линденау и др.), учеными XIX в. и современными исследователями¹²⁹.

Дополнительный характер в рамках работы имеют *изобразительные источники* – опубликованные и неопубликованные иллюстративные материалы: рисунки, чертежи, фотографии, в которых были отражены поселения, жилые и хозяйственные постройки, внутреннее устройство жилищ, костюм и пища бурят.

Итак, в основу диссертационного исследования положен значительный корпус источников, который репрезентативен для разработки проблем культуры жизнеобеспечения бурят XVIII–XIX вв. Эти источники обеспечивают достоверность и комплексный характер исследования, позволяют выполнить в сочетании с избранной методологией и методическими приемами тот объем работы, который необходим для достижения поставленной цели и решения намеченных задач.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту

1. Культура жизнеобеспечения бурят XVIII в. унаследовала некоторые элементы культур Юго-Восточной Сибири домонгольского периода, в совокупности формирующие субстратный слой. Структурообразующими в ней являются элементы, относимые к культурам средневековых монголов и предков бурят.
2. В XVIII–XIX вв. происходило становление и развитие традиционной культуры жизнеобеспечения бурят. Эти процессы определили природно-географический, культурно-политический и социально-экономический факторы.
3. На протяжении XVIII в. развитие культуры жизнеобеспечения у бурят, мигрировавших в Восточное Присяянье, Прибайкалье и Западное Забайкалье, происходило в условиях их адаптации к вновь осваиваемым природно-экологическим зонам, что привело к изменениям, прежде всего, в их системе питания и костюме. В то же время процесс приспособления к природной среде у кочевников, переселившихся из Восточной Монголии на юг Западного Забайкалья, и оставшихся в привычной зоне центральноазиатских степей, не сопровождался какой-либо заметной трансформацией их систем жизнеобеспечения.
4. Трансформацию культуры жизнеобеспечения бурят в XVIII–XIX вв. определили качественные изменения под воздействием как внутренних процессов, так и культурных заимствований, которые протекали с различной скоростью. При этом базовые характеристики культуры жизнеобеспечения отличала консервативность.
5. С начала XIX в. стала существенной роль Российского государства в изменении хозяйства и быта бурят, и их религиозных практик (в принятии

¹²⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1955. Т. 1: А-З; Т. 2: И-О; Т. 3: П; Т. 4: Р-Я; Бурятско-русский словарь / Сост. К. М. Черемисов. М., 1973; и др.

православия и буддизма). Внедряемые сверху новации во многом определили характер трансформации культуры жизнеобеспечения бурят.

6. Иноэтничное воздействие на культуру жизнеобеспечения бурят росло на протяжении XVIII–XIX вв. и было связано с расширением межэтнических контактов, развитием региональной экономики и ее интеграцией в российскую.

7. В XVIII–XIX вв. формировались маркирующие черты в культуре жизнеобеспечения бурят (в интерьере жилища, в костюмном комплексе, в системе питания). Их появление у бурят Забайкалья и ряда других субрегионов было обусловлено активными торговыми и культурными контактами с монголами и китайцами, а также распространением буддизма. В силу специфики расселения бурят в их культуре жизнеобеспечения формировались существенные локальные различия.

Научная новизна исследования

Диссертационное сочинение представляет первое монографическое исследование традиционной культуры жизнеобеспечения бурят XVIII–XIX вв. Благодаря проведенному изысканию в научный оборот вводится значительный массив большей частью неопубликованных данных, собранных в результате многолетних архивных и полевых исследований. Обобщаются историко-этнографические и другие сведения по теме диссертации.

Культура жизнеобеспечения бурят впервые анализируется в контексте культурогенеза кочевников Центральной Азии и этнической истории бурят. На основе материалов по отдельным группам бурят и в целом на материалах бурятской этнографии впервые решаются вопросы генезиса, эволюции и трансформации поселений, конструкции и внутреннего устройства жилища, костюма и пищи; выявляются механизмы и результаты межкультурного взаимовлияния бурят и других народов Байкальского региона. Дается характеристика внутренних и внешних факторов, влиявших на становление и развитие культуры жизнеобеспечения бурят.

В работе раскрываются локальные особенности функционирования культуры жизнеобеспечения бурят, выделяются основные тенденции ее развития.

Теоретическая значимость исследования

Изучение традиционной культуры жизнеобеспечения бурят XVIII–XIX вв. важно с точки зрения продолжения теоретических изысканий проблем этнической культуры. Значение настоящего исследования состоит в постановке и решении проблем генезиса, эволюции и трансформации традиционной культуры жизнеобеспечения (на примере бурятской этнографии), в дальнейшей разработке подходов к осмыслению проблемы адаптации (хозяйственной и социокультурной). Результаты исследования позволяют также уточнить особенности перехода этнических групп маргинальной зоны юго-востока Сибири от номадизма к седентаризации в

XVIII–XIX вв. Они доказывают важную роль государства в осуществлении данного процесса.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты и методологические подходы могут быть востребованы при изучении традиционной культуры, решении общих проблем этнографии и культурологии. Фактические данные, содержащиеся в работе, и сделанные в ней выводы будут полезны при подготовке исследований по истории народов Байкальского региона, в целом Сибири и Центральной Азии, а также при разработке учебных пособий и курсов по изучению регионального компонента истории и культуры для системы среднего и высшего образования, в практической работе образовательных и культурных учреждений.

Апробация результатов исследования

Основные положения диссертации нашли отражение в научных публикациях (1-й авторской монографии, в 60-ти статьях (в том числе 20-ти в рецензируемых журналах, включенных в перечень ВАК РФ); они были представлены в докладах на 30 конгрессах, симпозиумах и конференциях различных уровней, в том числе международного и всероссийского: III-м и VII-м Конгрессах этнографов и антропологов России (Москва, 1999; Саранск, 2007), «Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и развития» (Иркутск, 2003, 2004, 2005), «Искусство народов Сибири: прошлое, настоящее, будущее» (Омск, 2004), «Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток: взаимодействие народов и культур. Вторые научные чтения памяти Залкинда Е. М.» (Барнаул, 2005), «Цирендоржиевські читання. Тибетська цивілізація та кочові народи Євразії: кроскультурні контакти» (Киев, 2006, 2008); «Этнография Алтая и сопредельных территорий» (Барнаул, 2008); «Сибирская деревня: история и современное состояние, перспективы развития» (Омск, 2012).

Материалы исследования и полученные результаты нашли отражение в читаемом диссертантом спецкурсе «Культура жизнеобеспечения народов Сибири» в рамках Магистратуры Гумфака НГУ и реализации ряда научных проектов.

Структура исследования

Диссертационное сочинение состоит из введения, трех глав, заключения, списков источников и литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «Введении» обоснована актуальность темы исследования, определены объект, предмет, цель и задачи исследования, его территориальные и хронологические рамки, показана степень изученности темы, раскрыты методология и методы исследования, охарактеризована источниковая база, предложена концепция диссертационной работы,

указаны научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, отмечена апробация исследования.

В первой главе «Формирование культуры жизнеобеспечения бурят в контексте этно- и культурогенеза» рассматриваются проблемы хозяйственной адаптации (в том числе нomaдизма) бурят к природной среде Юго-Восточной Сибири, генезиса и развития в XVIII в. основных компонентов их культуры жизнеобеспечения.

Первый раздел посвящен характеристике адаптационных механизмов культурогенеза бурят. Нomaдизм у бурят характеризуется как один из способов хозяйственной адаптации: скотоводство, являвшееся основой хозяйства, в различных формах было приспособлено к природным условиям Байкальского региона. Другой путь хозяйственной адаптации, связанный с седентаризацией, в истории региона всегда играл в сравнении со скотоводством второстепенную роль.

Природная среда Юго-Восточной Сибири имеет сложную структуру и включает разные экологические зоны. В результате хозяйственной адаптации к ним у бурят сложились различные формы скотоводческого хозяйства от моноотраслевого нomaдного до комплексного скотоводческо-земледельческого.

Адаптация бурят к природной среде осуществлялась путем соответствующего развития культуры жизнеобеспечения, в ходе которого каждый из ее компонентов выполнял функцию защиты и поддержки жизненных потребностей. Особенно это проявлялось в ходе миграций на начальном этапе истории бурят: на новой территории, отличавшейся природными условиями от мест исхода, определенной трансформации подвергался не только жилищно-поселенческий комплекс, но и другие компоненты культуры жизнеобеспечения.

Во втором разделе рассматривается генезис культуры жизнеобеспечения бурят.

Делается вывод о том, что жилищно-поселенческий комплекс бурят унаследовал различные модели предшествующего времени: переносные (конические жердевые постройки, в том числе войлочный чум, войлочную юрту восточномонгольского типа); непереносные (полуземлянку каркасной конструкции, четырехстенную и многостенные срубные жилища). Такое разнообразие жилищ определялось сложным этническим составом бурят и бытованием у них различных форм скотоводства (кочевого, полукочевого и полуседлого), представлявших их опыт хозяйственной адаптации к природной среде Юго-Восточной Сибири.

Происхождение бурятских жилищ было связано с древними и средневековыми культурами Южной Сибири и сопредельных территорий. Имевшая в зависимости от сезона кожаные или берестяные покрышки коническая жердевая постройка (*бухээг, урса*) своими корнями восходит к культуре дотюркских насельников юга Сибири. Предтечей войлочного чума *урса гэр* были конические жердевые сооружения ранних восточно-

европейских кочевников, которые через центрально-азиатских номадов попали к далеким предкам бурят. Прототипом войлочной юрты тюркского типа могло быть разборное решетчатое жилище, бытовавшее в хуннскую эпоху у зависимого от хунну кочевого скотоводческого населения Юго-Восточной Сибири. В начале XVII в. у монголоязычных насельников региона были известны неразборная войлочная юрта на телеге и разборная решетчатая юрта монгольского типа; последняя бытовала у баргутов и через них или через хори-бурят и других мигрантов из Монголии, вероятно, попала к предбайкальским бурятам.

Появление четырехстенной каркасной полуземлянки (*тормо гэр, оток, мухор*) в Байкальском регионе было вызвано продвижением туда древних монголов, часть которых составила этнический компонент средневековых курыкан. Вероятно, четырех- и многоугольные срубные юрты с открытым очагом в центре жилища начали строить в Предбайкалье в период вхождения субрегиона в орбиту влияния енисейских кыргызов и в завершающий этап курумчинской культуры. Зарождение собственно бурятских срубных жилищ стоит связывать с синтезом каркасной полуземлянки и тюркских видов срубной юрты.

Принципы организации жилого пространства у бурят были заложены в дохуннское время, в последующем произошла проекция квадратной формы мира на членение жилища и его условная сегментация, согласно картине мира центральноазиатских кочевников.

Прообразы отдельных предметов домашнего интерьера бурят зародились уже в скифо-сибирское время, в ходе развития скотоводства в Байкальском регионе. В результате торговых и культурных контактов его населения с народами Центральной Азии и Южной Сибири складывался предметно-вещевой комплекс, характерный для внутреннего убранства жилища бурят начала XVIII в.

Истоки комплекса питания бурят берут начало в предшествующих культурах Юго-Восточной Сибири, но его ядро образуют пищевые традиции средневековых монголов и собственно предков бурят, которые, выработав адаптационные стратегии и механизмы, максимально полно использовали биологические ресурсы региона.

Традиционный костюмный комплекс бурят унаследовал элементы одежды, головные уборы и обувь разных древних и средневековых культур (монголо-, тюрко- и тунгусоязычных народов). Определяющим в его становлении была хозяйственная деятельность их предков, в особенности занятия охотой и скотоводством. В то же время, костюм, как и другие компоненты культуры жизнеобеспечения бурят, представлял собой результат адаптации их предков к природной среде Юго-Восточной Сибири, что проявлялось в особенностях кроя и в составе используемых для пошива мехов и кож диких и домашних животных и проч.

В третьем разделе показано развитие культуры жизнеобеспечения бурят в XVIII в. с выделением в нем основных факторов и тенденций.

Ареал расселения бурят менял свои контуры, при этом расселение в основном имело дисперсный характер. В их среде сложился долинный тип заселения, а основными были приречная и горно-падевая формы. Известны были три системы поселений: улусная у полуоседлых бурят (Предбайкалье, Восточное Присаянье, Прибайкалье, Западное Забайкалье); улусно-хотонная у полукочевых бурят (Предбайкалье, Восточное Присаянье, Западное Прибайкалье, Западное Забайкалье); хотонная у кочевых бурят (Забайкалье, до второй половины XVIII в. у крупных скотовладельцев других субрегионов).

Традиционно у бурят встречались такие типы поселений, как улус и хотон. Начавшийся процесс перехода на оседлость вызвал появление первых деревень. Все эти поселения, как правило, были малонаселенными. Улус, в отличие от имевшего временный характер хотона, являлся сезонным поселением, застроенным стационарными постройками, и характеризовался беспорядочной формой застройки.

Во второй половине столетия на зимних поселениях у бурят Предбайкалья появились первые дворы с курными избами. Их владельцами являлись представители элиты и крещеные буряты-земледельцы.

Господствующими типами жилищ у бурят были срубная и войлочная юрты, небольшое распространение у них имели жилые постройки каркасной и каркасно-столбовой конструкций, конические жердевые постройки.

К середине XVIII в. у бурят Предбайкалья и Восточного Присаянья, и у бурят-представителей предбайкальских родов в Прибайкалье и Западном Забайкалье складывается предпочтение срубных юрт с четным числом стен. Престижными у кочевых бурят Забайкалья и состоятельной части бурят Предбайкалья и Западного Прибайкалья считались войлочные юрты больших размеров, имеющие декоративное оформление деталей.

У этнических сообществ, вошедших в состав бурят, планировка внутреннего пространства жилища и имеющийся в нем предметно-вещевой комплекс были в целом единообразны. Обнаруживаемые в интерьере различия были вызваны сложившейся этнокультурной спецификой, социальным и экономическим положением, религиозными симпатиями бурят. Во внутреннем убранстве юрты имела место инкорпорация отдельных предметов иноэтничного происхождения.

В течение XVIII в. комплекс питания бурят находился в довольно статичном состоянии из-за неизменности модели хозяйствования. В это время складываются локальные варианты комплекса питания у бурят Предбайкалья, Восточного Присаянья, Прибайкалья и Забайкалья.

Особо стоит выделить вариант, получивший свое оформление у бурят Прибайкалья, в пище которых важное место заняла рыба, а у ольхонских бурят – еще и мясо морского зверя. Изменения в питании бурят были обусловлены уменьшением роли коллективной охоты, в результате

которого сокращалось потребление дикого мяса, расширением пограничной торговли, повлекшим замену традиционного чая из диких трав и корней на китайский, главным образом зеленый кирпичный, чай.

В костюмных комплексах субэтнических подразделений бурят сохранялись типологические различия: южносибирский тип одежды был распространен у бурят Предбайкалья, Прибайкалья, части бурят Восточного Присянья и Западного Забайкалья, восточноазиатский – у селенгинских монголов и хори-бурят. Модификация затронула отдельные характеристики бурятского костюма: кожу и мех начали замещать китайским и российским текстилем; акцент делался на декоративное оформление элементов костюма. Стало регламентированным ношение выходного костюма элитарной группы бурят. Воздействие русской культуры на костюм бурят в этот период было незначительным и локальным (в Предбайкалье).

На этапе формирования культуры жизнеобеспечения бурят занимает в структуре этнической культуры ключевое место, как удовлетворяющая основные витальные потребности человека. Взаимосвязи внутри культуры жизнеобеспечения были менее осязаемы, чем связи с другими компонентами этнической культуры (в особенности с хозяйством). Можно привести в качестве примера взаимосвязь между системой питания и утварью, изготовляемой и предназначенной для хранения пищи (животного и растительного происхождения).

Глава вторая «Развитие культуры жизнеобеспечения бурят в контексте седентаризации (первая половина XIX века)» включает четыре раздела.

В первом разделе характеризуется на субрегиональном уровне система расселения, формы поселений, типы жилищ и хозяйственных построек у бурят.

В первой половине XIX в. структура расселения бурят видоизменилась: шел процесс освоения в границах исторически сложившегося ареала, в ходе которого у бурят возникали новые формы поселений, в том числе притрактовая. Вместе с тем, не затухала миграционная активность, правда, она имела меньшие масштабы, чем в XVIII в., и связывалась с переселениями сравнительно небольших групп.

Локализация поселений у бурят стала несколько иной: улусная система сохранялась у бурят Предбайкалья, Прибайкалья, Западного Забайкалья (селенгинских); к улусно-хотонной системе перешли буряты Западного Забайкалья (селенгинские и хоринские), Западного Прибайкалья и Нижнего Приононья; хотонная система сохранялась у бурят Западного Забайкалья и Нижнего Приононья. Рост оседлости среди бурят поддерживал тенденцию к расширению географии улусной и улусно-хотонной поселенческих систем. С возникновением среди бурят групп оседлого крещеного населения некоторое развитие получила воспринятая у русских система деревень. Зародилась в этот период улусно-заимочная

система, связанная у одних бурят с проживанием зимой в улусе, в остальные сезоны – на заимке, у других – наоборот, с зимним пребыванием на заимке.

В рассматриваемое время у бурят фиксируются единичные примеры новых типов поселений (заимка, выселок, мельница); традиционные поселения (улус, хотон) сохраняют главенствующие позиции в их жилищно-поселенческом комплексе.

Оседлые буряты образовывали самостоятельные деревни (в Предбайкалье, Западном Прибайкалье, Забайкалье) или жили в улусах с полуседлыми бурятами (в Восточном Прибайкалье). Деревня оседлых бурят, представляя аналог русского селения, заметно отличалась от зимнего улуса других бурят (формой застройки, типом жилища и двора, пространственной ориентацией).

В середине XIX в. сеть населенных пунктов у бурят Предбайкалья состояла из примерно 450 поселений, из которых явное большинство принадлежало улусам (83,5 % поселений), деревни и другие типы поселений были менее распространены (16,5 %). В это время у бурят Прибайкалья насчитывался 61 населенный пункт (в 1830–е гг. их было 64, но к 1850–м гг. стало меньше – 58), абсолютное большинство которых представляли улусы (98 % поселений). Примерно 350 населенных пунктов (за неимением в источниках точных сведений о поселениях селенгинских бурят эта цифра достаточно условная, в реальности она была выше) включала поселенческая сеть у бурят Западного Забайкалья, у них также преобладали улусы. Буряты Нижнего Приононья, согласно официальным данным, имели 37 улусов и 1 селение, но на деле число улусов у них было вдвое больше.

Типичными для бурят Предбайкалья и Прибайкалья были улусы среднего размера и малодворные деревни. Расселенческая структура западнозabayкальских бурят отличалась небольшими поселениями, в том числе малодворными деревнями. Агинские улусы являлись зимними поселениями среднего размера, а селение Агинское представляло малодворный населенный пункт. Кроме того, как и в XVIII в., хотоны, представлявшие тип малого временного поселения, преобладали в жилищно-поселенческом комплексе бурят Забайкалья.

В это время оформляются административные центры бурятских ведомств. В отличие от обычных поселений, в их структуре появляются общественные здания срубного типа (здания Думы, приходские училища, экономические магазины, торемные избы, морги/«ледники»).

Занятие земледелием и расширение потребления зерновых и мучных продуктов в питании бурят сопровождалось, в частности, строительством в улусах и деревнях экономических магазинов и срубных овинов (можно присовокупить к ним и водяные мельницы, хотя они располагались вне границ упомянутых поселений). Развитие бурятской экономики

стимулировало процесс возведения стационарных кузниц в части зимних улусов.

В изучаемое время дворы (чаще всего одночастные) становятся типичными для жилищно-поселенческого комплекса разных территориальных групп бурят.

Также определенные изменения происходили в структуре жилищ. Наряду с юртами (срубной и войлочной) получили распространение в качестве, прежде всего, зимнего варианта жилья избы (как правило, «белая» изба и изба-пятистенок). Они уступали в плане престижности традиционным типам жилищ: большинство полуоседлых и полукочевых бурят Предбайкалья и Прибайкалья, также полуоседлые буряты Западного Забайкалья отдавали предпочтение разным вариантам срубной юрты, а кочевые и полукочевые буряты Забайкалья – войлочной юрте. Достоинства новых типов изб оценили преимущественно состоятельные люди из числа полукочевых и полуоседлых бурят. Войлочная юрта потеряла прежнее значение у бурят Предбайкалья и Западного Прибайкалья. Ареал распространения срубной юрты по сравнению с XVIII в. расширился: она встречалась не только у представителей предбайкальских родов (в Предбайкалье, Прибайкалье, Западном Забайкалье), но и у селенгинских монголов и хори-бурят. Уходят в прошлое жилые постройки каркасной и каркасно-столбовой конструкций, шестовые чумы.

Во втором разделе представлена характеристика изменений в интерьере бурятского жилища в первой половине XIX в.

Степень комфортности жилищных условий была различной как у отдельных территориальных групп бурят, так и внутри них (она зависела от принадлежности семьи к конкретному хозяйственно-бытовому и социальному слою бурятского общества).

Интерьерный комплекс бурятского жилища в изучаемый период в целом сохранял традиционный характер; но при рассмотрении его на уровне территориальных групп заметно, что, следуя логике внутреннего развития и под внешним влиянием, он постепенно преобразался. Факторами, сыгравшими важную роль в изменении внутреннего убранства жилища бурят, были: принятие православия и буддизма значительной частью бурят; рост домостроительства; торговые и иные культурные связи бурят с Китаем, Монголией, и с русскими.

В третьем разделе рассматривается развитие системы питания бурят в первой половине XIX в. и влияние на нее процессов седентаризации.

Основой системы питания большинства бурят являлись продукты животного происхождения, и это определяло единообразие пищи у разных территориальных групп; изменения были связаны с включением в нее круп, овощей, картофеля, что, в свою очередь, добавило в бурятскую кухню ряд заимствований из русской народной кулинарии. Транслировались ранее сложившиеся в питании субрегиональные

особенности, определяемые направлением хозяйственной деятельности; различия в нем также обуславливались существовавшей дифференциацией бурят по хозяйственно-бытовому, социальному и религиозному признакам. Смешанный тип питания, в котором, прежде всего, были представлены мясомолочные и зерновые продукты, складывается у оседлых бурят. Между тем роль мясомолочной составляющей в питании иных хозяйственно-бытовых групп оставалась определяющей. Рыбные продукты, восполнявшие недостаток мясной пищи, стали постоянными в питании прибайкальских бурят и вошли в рацион обедневшей части остальных бурят региона.

В четвертом разделе раскрываются основные тенденции в развитии бурятского костюма в первой половине XIX в.

Костюмный комплекс бурят, сохраняя типологические характеристики, постепенно эволюционировал. Актуальными оставались тенденции перехода от кожного и мехового к тканевому материалу и совершенствование декоративного оформления одежды, головных уборов и обуви. Происходил процесс смены функционального назначения некоторых элементов одежды, и даже полное их исчезновение из народного костюма. Среди основных факторов, которые сказались на развитии субрегиональной специфики в костюмном комплексе, были: религиозный фактор; инокультурное влияние, приведшее, в частности, к заимствованиям бурятами Предбайкалья и Восточного Прибайкалья отдельных элементов русского народного костюма; заметно возросший в это время фактор престижности и моды.

Примеры взаимосвязей, складывавшихся в данный период внутри культуры жизнеобеспечения бурят, в сравнении с XVIII в. множатся: появление в домашней мебели бурят Забайкалья расписных сундуков *абдар (ханза)-ухэз* для хранения верхней одежды и посудных шкафчиков *эргэнэг*; переход к проживанию в избах привел к восприятию русских образцов железной и чугунной посуды, предназначенной для приготовления пищи на печи; опять-таки эксплуатация русской печи расширила ассортимент бурятской кухни за счет заимствованных рецептов русских блюд и снеди; вместе с перенятыми у русских самоварами некоторые территориальные группы бурят Предбайкалья восприняли традицию питья черного чая с сахаром-«леденцом».

Третья глава «Трансформация культуры жизнеобеспечения бурят во второй половине XIX века. Начало модернизации» содержит четыре раздела.

В первом разделе «Развитие сети бурятских поселений, типов усадеб и жилищ» раскрываются процессы, протекавшие в жилищно-поселенческом комплексе бурят во второй половине XIX в. Усиливается тенденция к оседлости, детерминируемая обращением все большего числа бурят к земледельческим занятиям. На фоне возрастания миграционных потоков, скорректировавших демографию населения Байкальского региона

в сторону дальнейшего роста в ней доли переселенцев (главным образом русских), происходит изъятие части бурятских земель; и расселение бурят претерпевает новые изменения. Продолжается распространение новых форм заселения; в то же время в отдельных субрегионах приречная (в Предбайкалье) и приморская (в Восточном Прибайкалье) формы заметно теряют значение. Наблюдались подвижки и в соотношении между поселенческими системами бурят: улусная, улусно-заимочная, деревенская имеют тенденцию к расширению; хотонная и улусно-хотонная – к сжатию.

Материалы данного периода фиксируют дальнейший количественный рост поселений во всех территориальных группах бурят. К концу XIX в. сеть бурятских населенных пунктов в Предбайкалье включала 701 поселение, большинство из которых были улусами (73,9 %). В Восточном Присяянье в нее входили 202 поселения, среди которых 129 являлись улусами (63,9 % поселений) и 57 – характерными для закаменских бурят урочищами – локусами с дисперсно проживавшим в малых сезонных поселениях полукочевым населением (28,2 %). Чуть большее число составляли населенные пункты у бурят Прибайкалья – их насчитывалось 259, 241 (93,05 % поселений) из которых были улусами.

Количество населенных мест у западнобайкальских бурят достигало 829, включая 633 т. н. урочища (76,4 % поселений) и 158 улусов (19,06 % поселений). Осторожного отношения требует количество населенных пунктов у бурят Нижнего Прионья: официально их имелось 43, 42 (97,7 % поселений) из которых были отнесены к улусам. Учитывая, что улус у агинских бурят понимался в значении территориального рода, а основным типом поселения, как было установлено, оставался хотон, число населенных мест у них должно было быть значительно больше.

В целом, можно сказать, что улус и хотон в зависимости от субрегиона оставались основными типами поселений у бурят, деревня и другие типы населенных мест в этом плане им значительно уступали.

Во второй половине XIX в. типичными для большинства групп бурят, включая бурят Предбайкалья (кроме кудинских и верхоленских), Восточного Присяянья, Прибайкалья и Забайкалья, являлись небольшие населенные пункты.

Расширение бурятской сети расселения было вызвано: процессами отселения части жителей из старых улусов и организации ими новых населенных пунктов; появлением на месте летних поселений улусов, зарождением поселений частного характера (заимок, выселок, мельниц); созданием малых населенных пунктов (улусов и деревень).

Начавшая складываться в первой половине столетия иерархичность в системе поселений (когда в узловых местах дорожной сети субрегионов развивались административные центры бурятских ведомств, крупные улусы и селения) обретает новый импульс. Поселения сохраняли беспорядочную форму заселения, лишь в конце столетия у части бурят Предбайкалья и Западного Забайкалья получает развитие одно-

двухуличная планировка улусов. Население многих поселений становится смешанным как в плане родового, меньше этнического состава, так и принадлежности к различным хозяйственно-бытовым группам бурят.

Продолжается дворовое строительство, прежде всего, у полуседлых бурят, при этом преобладают одночастные дворы. Более сложная планировка дворового пространства отмечается у состоятельной части полуседлых и у оседлых бурят. Формирование бурятского двора происходит благодаря заимствованию опыта строительства хозяйственных построек у русских.

Рассмотрение динамики развития жилищ и изменений в пропорции типов жилищ свидетельствует, что ареал войлочной юрты сузился: у агинских бурят она была в круглогодичном пользовании; в сезонном, реже в постоянном – у селенгинских и хоринских бурят. Растущая оседлость среди разных территориальных групп сделала безальтернативным проживание в срубных юрте и избе. География разных видов бревенчатых юрт не изменилась с первой половины XIX в. Наряду с эксплуатацией юрт и домов как сезонных жилищ, транслировалась традиция круглогодичного проживания в войлочной или срубной юрте. Стремление к модификации юрт и домов через их художественное оформление и улучшение конструкционных и эксплуатационных качеств (отопления, утепления и др.) проявлялось у различных территориальных групп бурят; на волне этого зарождались новые виды срубных юрт и переходные типы деревянных жилищ.

Во втором разделе *«Внутреннее убранство жилища: традиции и инновации»* дана характеристика развития интерьера бурятского жилища во второй половине XIX в. В рассматриваемый период усиливается влияние русской городской и аграрной культуры на интерьерный комплекс, главным образом в зонах межэтнического контакта. Пограничная торговля с Китаем, а также упрочение позиций буддизма среди забайкальских и присаянских бурят, расширили контакты бурят с центральноазиатской культурной общностью, что выразилось во внутреннем убранстве жилища. Посредническую функцию в инкорпорации инокультурных элементов, как и ранее, исполняли зажиточные люди. Трансформация интерьерного комплекса жилища в наибольшей степени произошла у бурят Предбайкалья, проживавших в зоне активного межэтнического контакта с русскими и быстро развивавшихся социально-экономических (с конца столетия – капиталистических) отношений. Менее были выражены изменения во внутреннем убранстве жилища бурят из горно-таежных и степных территорий, отдаленных от губернского, областного и окружных центров, уездных городов и локусов расселения русского населения.

Третий раздел *«Трансформирование системы питания»* посвящен выявлению изменений, происходивших во второй половине XIX в. в питании бурят. Система питания бурят, как и ранее, основывалась на

продуктах, которые давало, прежде всего, скотоводство; их дополняли продукты земледелия, в меньшей степени охоты, рыболовства, огородничества и собирательства. Другими словами, система питания у всех этнотерриториальных групп относилась к скотоводческо-зерновому классу. Использование этих продуктов, в конечном счете, и определяло специфику пищи, вкусовые пристрастия бурят. В их структуре питания преобладала пища с высоким содержанием белков и жиров. Соотношение основных групп продуктов в ней варьировало в зависимости от сезона и условий природной среды. Естественно, что качество питания в значительной степени были связаны со социальным статусом и обеспеченностью семьи.

В пищевом комплексе бурят отмечаются заимствования блюд русской народной и дацанской (у бурят Забайкалья, Восточного Присаянья) кухонь, что было обусловлено ростом межэтнического взаимодействия бурят и русских, и расширением влияния буддизма на бурят. Кроме того, имели место внутриэтнические заимствования, вызванные развитием культурных связей между территориальными группами бурят и ростом их внутренней миграции.

В четвертом разделе «Традиции и новации в костюмном комплексе» показаны традиционные и инновационные черты субрегиональных комплексов бурятского костюма во второй половине XIX в. У большинства бурят Восточного Присаянья, Нижнего Прионья и Западного Забайкалья традиционные мужской и женский костюмы в полной мере сохраняли свой облик. В Предбайкалье, меньше в Восточном Прибайкалье и Восточном Присаянье, где процессы седентаризации обратили часть бурят в оседлое и полuosедлое население, в народный костюм были включены отдельные образцы русской сельской и городской одежды.

Другим фактором, оказавшим ограниченное воздействие на костюм бурят (в основном женский), была их религиозная принадлежность, точнее следование требованиям канона.

Социальный фактор, связанный, в первую очередь, с сохранением территориально-родовой структуры у бурят вплоть до конца столетия, также определял судьбу костюма – традиционное общество придерживалось консервативных взглядов в его отношении. В зонах активного межэтнического контакта, где инокультурное влияние было существенно и набирал обороты процесс разрушения скотоводческого уклада жизни, заимствование элементов русского народного и городского костюмов происходило быстрее.

Другой уровень заимствований, а значит, и трансформации в бурятском народном костюме, был связан с существованием внутриэтнических связей, когда элементы одного субрегионального костюмного комплекса включались в другие комплексы.

Анализ показывает, что больше всего заимствований имелось в костюме предбайкальских бурят, меньше – агинских бурят, причина кроется в большем консерватизме культуры последних. Функциональное использование элементов костюма колебалось в зависимости от обеспеченности людей и от сложившейся традиции.

В культуре жизнеобеспечения бурят второй половины XIX в., помимо субрегиональной специфики, можно выделить зональные особенности. Большая часть ареала расселения бурят относилась к одной зоне (500–800 м над уровнем моря), в которую входили степные долины Предбайкалья, Восточного Присаянья, Прибайкалья и Забайкалья.

Другая зона (800–1800 м) располагалась в высокогорных районах Восточных Саян и состояла из небольших участков холодной степи. Иначе говоря, необходимо сравнивать культуру жизнеобеспечения закаменских и окинских бурят с культурой других бурят. Например, в жилищно-поселенческом комплексе указанных групп бурят зональная специфика, прежде всего, проявлялась в конструкции срубной юрты – их основного жилища. В системе питания она была обусловлена включением в пищу продуктов (ячье и оленье мясо и молока, некоторые другие продукты животного и растительного происхождения), неизвестных другим бурятам. В костюмном комплексе это было связано с выбором пошивочного кожного и мехового материала.

Взаимосвязи между компонентами культуры жизнеобеспечения бурят во второй половине XIX в. имели тенденцию к укреплению. В основном они были детерминированы рецепцией бурятами (преимущественно состоятельными) отдельных блюд, снеди и напитков из русской кухни, которая, в свою очередь, требовала приобретение и использование соответствующих видов утвари (в частности, столовой посуды). Массовый переход к жизни зимой в домах имел следствием начало использования бурятами русской крестьянской и городской мебели (лавок, стульев, столов и др.).

В **«Заключении»** подводятся основные итоги исследования в соответствии с основными задачами.

Проведенный в рамках работы анализ становления традиционной культуры жизнеобеспечения бурят в контексте этно- и культурогенеза показывал, что она была генетически связана с культурами Байкальского региона, существовавшими в древности и средневековье.

Культурогенез сопровождался трансляцией культурных комплексов эпохи доминирования присваивающего хозяйства и той стадии скотоводства, которая бытовала в домонгольское время. В то же время наиболее значимым в культуре жизнеобеспечения бурят было наследие культур средневековых монголов и предков бурят.

Культура жизнеобеспечения бурят XVIII в. унаследовала некоторые элементы культур Юго-Восточной Сибири домонгольского периода, в совокупности формирующие субстратный слой. Структурообразующими в

ней являются элементы, относимые к культурам средневековых монголов и предков бурят.

В XVIII–XIX вв. происходило становление и развитие традиционной культуры жизнеобеспечения бурят. Эти процессы определили природно-географический, социокультурный, политический и социально-экономический факторы.

Адаптационные процессы прошлого наложили определенный отпечаток на культуру жизнеобеспечения бурят. Свидетельством тому является разнообразие типов жилищ у бурят в начале XVIII в., сложившееся в ходе приспособления их предков к природно-экологическим зонам Байкальского региона. Все эти типы переносных и стационарных жилищ, происхождение которых относится к различным историческим эпохам и этническим общностям, оказались востребованы именно потому, что природная среда региона отличалась вариативностью. Другим показателем адаптации является посезонная эксплуатация жилищ у полукочевых и полуседлых бурят: их ежегодные сезонные перекочевки и связанная с этим смена жилья, помимо хозяйственной необходимости, отвечали этноэкологическим нормам и уменьшали антропогенное давление на природу.

Вариативность конструкций жилищ определяло наличие в регионе строительного леса и иных натуральных материалов, а также занятие скотоводством, продукты которого применялись при строительстве. Освоение природной среды происходило путем организации окружающего пространства, в котором выделяли сакральные места, границы поселений и хозяйственных зон.

Природно-географический фактор оказал заметно меньшее влияние на интерьерный комплекс бурят начала XVIII в. Тем не менее адаптация к среде обитания выразилась в использовании продуктов переработки скотоводческого и природного сырья (древесины, бересты, меха и кож домашних и диких животных, войлока и др.) для изготовления предметов внутренней обстановки жилища.

Уровень приспособления бурят к окружающей среде демонстрирует их комплекс питания, который всецело базировался на биологических ресурсах, которыми была богата Юго-Восточная Сибирь – на производимой в традиционном хозяйстве скотоводческой и в меньшей степени земледельческой продукции. Комплексность, альтернативность и максимальная эффективность в использовании ресурсов, позволяла поддерживать баланс в обеспечении продовольствием. Любые климатические изменения и эпидемические заболевания домашнего скота неизбежно приводили к кризису в питании. Однако, широкое включение растительной пищи и дикого мяса в комплекс питания гарантировало высокий уровень адаптивности бурят начала XVIII в.

Костюмный комплекс бурят (с применением для пошива меха и кожи диких и домашних животных, войлока) также демонстрирует успешную

адаптацию. Конструкция и крой одежды, обуви и головных уборов в рамках традиционного костюма отвечали строгим погодно-климатическим требованиям Юго-Восточной Сибири.

В XVIII в., на этапе формирования бурятского народа, для автохтонных групп бурят Предбайкалья и Восточного Присаянья актуальной являлась адаптация к меняющимся социокультурным условиям (к русским и монгольским переселенцам, изменениям в управлении инородческим населением). Для мигрантов (селенгинских монголов, бурят-переселенцев из Предбайкалья и бурят-репатриантов из Халхи), помимо социокультурной адаптации, насущным было приспособление к новым природно-экологическим зонам. При этом сильнее данный процесс затронул родовые группы прибайкальских бурят: в ходе адаптации у них менялась структура хозяйства, в которой особую роль играло товарное рыболовство. Соответственно, имела место адаптация к природной среде субрегиона, приведшая к новациям в системе питания (возрастанию значения рыбы в питании, у ольхонских бурят – включению в пищу мяса морского зверя).

Реконструкция культуры жизнеобеспечения бурят XVIII в. выявила в ней устойчивое ядро, которое сохранялось на компонентном и элементном уровнях, новации затрагивали отдельные стороны культуры (например, в жилищно-поселенческом комплексе они проявились в изменении ареала расселения, в зарождении первых деревень и дворов и др.).

Седентаризационные процессы, начало которым было положено во второй половине XVIII в. вызвали инновации в культуре жизнеобеспечения бурят. Трансформацию культуры жизнеобеспечения бурят в XVIII–XIX вв. определили качественные изменения под воздействием как внутренних процессов, так и культурных заимствований, которые протекали с различной скоростью. При этом базовые характеристики культуры жизнеобеспечения отличала консервативность.

В ходе авторского исследования получило подтверждение одно из основных положений, выносимых на защиту, о том, что в XVIII–XIX вв. формировались маркирующие черты в культуре жизнеобеспечения бурят (в интерьере жилища, в костюмном комплексе, в системе питания). В силу специфики расселения бурят в их культуре жизнеобеспечения складывались существенные локальные различия.

Решение задачи анализа развития культуры жизнеобеспечения бурят в первой половине XIX в., выявления путей и результатов ее трансформации и тенденций модернизации позволило сделать ряд выводов.

Было доказано, что приобщение бурят к земледелию имело следствием строительство в их населенных пунктах экономических магазинов, водяных мельниц и кузниц. В первой половине XIX в. в жилищно-поселенческом комплексе они привели к зарождению и становлению улусно-заимочной и деревенской поселенческих систем, появлению административных центров бурятских ведомств.

В стационарных поселениях бурят (не только в деревнях, но и в улусах) стали типичными дворы с капитальными жилыми (избами и многостенными срубными юртами) и хозяйственными постройками, в том числе со срубными овинами.

Переход бурят к оседлости был связан с действием такого фактора, как влияние русской урбанистической и сельской культуры. Это ощущалось, например, во включении в интерьер жилища отдельных видов крестьянской и городской утвари и мебели. В комплексе питания бурят внешнее воздействие обнаруживается в употреблении оседлыми и представителями отдельных хозяйственно-бытовых групп крупяных и овощных продуктов, картофеля, и в заимствовании соответствующих рецептов блюд из русской народной кулинарии. В зонах интенсивных русско-бурятских контактов, в частности, в Предбайкалье и Юго-Восточном Прибайкалье, под влиянием указанного выше фактора буряты восприняли отдельные элементы русского народного костюма.

Во второй половине XIX в. тенденция перехода к оседлости продолжает усиливаться, этому способствует целый комплекс взаимосвязанных внешних и внутренних факторов (экономических, демографических, социальных). В итоге заметно выросла сеть бурятских населенных пунктов, расширился локус распространения улусно-заимочной и деревенской поселенческих систем, получили развитие такие поселения частного характера, как заимка и выселок. В поселениях увеличилось число жилых и хозяйственных капитальных строений (домов, изб, срубных юрт, амбаров и др.).

В зонах активных контактов бурятского и русского населения (в Предбайкалье, Юго-Восточном Прибайкалье и части Восточного Присаянья и Западного Забайкалья) множились примеры заимствований из русской культуры, особенно из городской субкультуры; они касались костюма, пищи и интерьера жилища не только оседлой части бурят, но и других хозяйственно-бытовых групп.

В конце XIX в. буряты переживали последствия начавшейся модернизации экономики и социальной жизни в России. Прежняя сословно-инородческая политика, основанная на положениях «Устава об управлении инородцев» 1822 г., консервировала традиции и образ жизни бурят, защищала их этническую территорию, создавала условия для этноконсолидации. Однако в конце столетия она пришла в противоречие с общим процессом социально-политического развития России. Государственные реформы рубежа XIX–XX вв. (землеустроительная и административная) были направлены на унификацию прав сибирских инородцев и крестьян.

Проводимые реформы в особенности затронули бурят Предбайкалья, у которых во второй половине XIX в. произошли заметные изменения в социально-экономической сфере: усилилось социальное расслоение из-за капитализации хозяйств и развития частного предпринимательства; имела

место убыль трудоспособного населения в Западное Забайкалье и другие субрегионы; и т. д.

Многие буряты не смогли сразу приспособиться к изменившимся социально-культурным условиям и, по сути, испытали «культуршок», внешними проявлениями которого были: распространение социальных болезней, повышавших смертность среди бурят; развивающиеся среди них, с одной стороны, агрессивность, а, с другой, ригидность к новым реалиям.

Тем не менее о влиянии модернизации на культуру жизнеобеспечения бурят можно говорить с большой долей условности и прежде всего потому, что в конце XIX в. бурятский социум еще сохранял черты традиционного общества: его экономика, социальный строй, духовная жизнь (включая религиозную сферу) в целом оставались прежними. Те модернизационные изменения, которые затронули отдельные стороны жизни бурят (потеря ими части этнической территории, переданной Переселенческим фондом русским и иным переселенцам-крестьянам; рост товарности основных хозяйственных занятий и промыслов; развитие сезонного отходничества; выделение слоя сельских предпринимателей), оказывали больше опосредованное воздействие на компоненты их культуры жизнеобеспечения.

Сокращение размеров бурятских земельных владений, вследствие которого изменялись форма их хозяйства и состав домашнего стада, опосредованно сказывалось на структуре питания, приближая его к питанию оседло-земледельческого населения. В то же время более тесные этнокультурные контакты с пришлым населением, расширение товарно-денежных отношений с городом и русско-сибирским селом имели результатом новые заимствования из русской сельской и городской культуры.

Культура жизнеобеспечения бурят являлась подвижной системой. На всех этапах этнической истории она находилась под воздействием природно-географического фактора, который особенно ощутимо сказывался на комплексе питания. Любые природные катаклизмы (землетрясения, засухи, пожары и т. д.) негативным образом отражались на состоянии отдельных компонентов культуры жизнеобеспечения. Комплексность хозяйства у основной массы бурят представляла определенную гарантию его стабильности.

С расширением торговли и ростом товарности основных отраслей экономики буряты получили больше возможностей для обеспечения себя продовольствием. Добавим, что в период XVIII–XIX вв. природно-климатические условия Байкальского региона характеризовались устойчивостью, а вот социокультурные условия, в частности, под влиянием усиливавшегося межэтнического взаимодействия изменялись, поэтому для бурят первостепенное значение имела социокультурная адаптация.

Социокультурный фактор, представляющий совокупность разных причин, связывается, в первую очередь, с влиянием политики российского государства. В XVIII в. его значение было минимальным и это, прежде всего, обуславливалось позицией государства в отношении аборигенов Сибири, в которых оно видело исключительно поставщиков ясака. В XIX в. в государственной политике возобладали идеи седентаризации и христианизации сибирских аборигенов, и это существенно трансформировало их культуру жизнеобеспечения.

Необходимо также учитывать то воздействие, которое оказал на бурятскую культуру буддизм, официально признанный и поддерживаемый властью: в XVIII в. его распространение имело локальный характер, но с 1820-х гг. ареал буддизма расширился на все Забайкалье и на часть других субрегионов, и культура жизнеобеспечения бурят вобрала элементы буддийской культуры.

Внешнее воздействие на культуру жизнеобеспечения бурят росло на протяжении XVIII–XIX вв. и было связано с расширением межэтнических контактов, развитием региональной экономики и ее интеграцией в российскую. Сдвиги в хозяйственной жизни, рост торговли, последствия реформы управления сибирских инородцев М. М. Сперанского, расширение русско-бурятских контактов вносили инновации в компоненты культуры жизнеобеспечения бурят.

В целом, трансформацию культуры жизнеобеспечения бурят в XVIII–XIX вв. определили качественные изменения под воздействием как внутренних процессов, так и культурных заимствований, которые протекали с различной скоростью. При этом базовые характеристики культуры жизнеобеспечения бурят отличала устойчивость. С начала XIX в. стала существенной роль Российского государства в изменении хозяйства и быта бурят, и их религиозных практик. Внедряемые сверху новации во многом определили характер трансформации культуры жизнеобеспечения бурят.

Подводя итоги исследования в заключении следует констатировать, что в ходе решения основных задач в рамках квалификационной работы была достигнута ее основная цель: выявлены основные механизмы и тенденции развития культуры жизнеобеспечения бурят в контексте социокультурной и этнополитической истории XVIII–XIX вв.

Основные публикации по теме диссертации

Основные положения диссертации изложены в 61 публикации, общим объемом 41,2 п.л. (общий авторский вклад – 41,2 п.л.).

Публикации в периодических изданиях из Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук:

1. Бадмаев А. А. О конфликтах между верхоленскими бурятами и русскими в 1820–1830-е гг. // Вестник НГУ. – Серия: история, филология. – 2006. – Т. 5. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 117–122. (0,5 п.л.).
2. Бадмаев А. А. Традиционные жилища бурят: проблема генезиса // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2007. – № 18. – С. 312–324. (0,85 п.л.).
3. Бадмаев А. А. Ритуальная пища бурят // Гуманитарные науки в Сибири. – 2007. – № 3. – С. 70–74. (0,6 п.л.).
4. Бадмаев А. А. Мужская одежда бурят в конце XIX – начале XX в. Региональный аспект типологии // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2008. – № 22. – С. 505–513. (0,6 п.л.).
5. Бадмаев А. А. Будничное питание бурят в конце XIX – начале XX в. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 1(37). – С. 101–109. (1,0 п.л.).
6. Бадмаев А. А. Одежда бурят в первой половине XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2009. – № 3. – С. 47–49. (0,6 п.л.).
7. Бадмаев А. А. О межэтническом взаимодействии в культуре жизнеобеспечения бурят и русских в XIX в. // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 25. – С. 351–354. (0,2 п.л.).
8. Бадмаев А. А. Основные тенденции в развитии бурятской одежды в XVIII в. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 3. – С. 113–122. (1,0 п.л.).
9. Бадмаев А. А. Трансформация хозяйства селенгинских бурят в филологии, культуры. – 2010. – № 4 (30). – С. 305–318. (0,7 п.л.).
10. Бадмаев А. А. Жилищно-поселенческий комплекс бурят в конце XVII–XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – № 3. – С. 64–67. (0,4 п.л.).
11. Бадмаев А. А. Система питания предбайкальских бурят в первой половине XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 3. – С. 35–38. (0,4 п.л.).
12. Бадмаев А. А. Жилищно-поселенческий комплекс бурят Восточного Присаянья во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2012. – № 2. – С. 60–63. (0,5 п.л.).
13. Бадмаев А. А. Жилищно-поселенческий комплекс селенгинских бурят во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник НГУ. – Серия: история, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 348–354. (0,7 п.л.).
14. Бадмаев А. А. Женская одежда у бурят во второй половине XIX – начале XX века // Вестник НГУ. – Серия: история, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 187–193. (0,7 п.л.).
15. Бадмаев А. А. Система питания забайкальских бурят в первой половине XIX в. // Вестник НГУ. – Серия: история, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 250–257. (0,73 п.л.).

16. Бадмаев А. А. Интерьер жилища бурят во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник НГУ. – Серия: история, филология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 280–284. (0,45 п.л.).

17. Бадмаев А. А. Трансформационные процессы в жилищно-поселенческом комплексе кударинских бурят во второй половине XIX – начале XX века // Вестник НГУ. – Серия: история, филология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 249–254. (0,55 п.л.).

18. Бадмаев А. А. О происхождении традиционных типов жилищ бурят // Вестник НГУ. – Серия: история, филология. – 2014. – Т. 13. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 240–247. (0,7 п.л.).

19. Бадмаев А. А. Система питания кударинских бурят во второй половине XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2015. – № 2. – С. 85–89. (0,5 п.л.).

20. Бадмаев А. А. Баранья лопатка в обрядовой практике бурят // Вестник НГУ. – Серия: история, филология. – 2015. – Т. 14. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 255–264. (0,9 п.л.).

Монографии:

21. Бадмаев А. А. Традиционная утварь бурят в XIX – начале XX в.: технологический и мировоззренческий аспекты. – Новосибирск: Изд-во Препрессстудии, 2005. – 204 с. (9,75 п.л.).

Публикации в других научных изданиях:

22. Бадмаев А. А. Буддизм и традиционные ремесла бурят. История и современность // Гуманитарные науки в Сибири. – 1997. – № 3. – С. 78–81. (0,5 п.л.).

23. Бадмаев А. А. Обработка войлока у бурятов // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. – № 3. – С. 98–103. (0,5 п.л.).

24. Бадмаев А. А. О некоторых особенностях ведения скотоводческого хозяйства агинскими бурятами. Середина XIX - начало XX вв. // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. IV. – С. 400–403. (0,3 п.л.).

25. Бадмаев А. А. О маркерах кочевой культуры народов Центральной Азии // Проблемы этнологии и этнопедагогике: Сборник статей и материалов. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. – С. 70–72. (0,3 п.л.).

26. Бадмаев А. А. О современных традициях проведения обряда «обоо тахилга» у цонголов Кяхтинского района // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. V. – С. 578–582. (0,3 п.л.).

27. Бадмаев А. А. Традиционная бурятская посуда // *Studia ethnologica Instituti Historiae Academiae Scientarum Mongoli.* – Улан-Батор; Улан-Удэ, 2000. – Т. XII. – Fasc. 11. – С. 15–40. (1 п.л.).

28. Бадмаев А. А. Некоторые новые данные о христианизации предбайкальских бурят // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 474–477. (0,3 п.л.).

29. Бадмаев А. А. Реликты культа медведя в культуре бурят // Народы Сибири: история и культура: Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 68–72. (0,5 п.л.).

30. Бадмаев А. А. Некоторые новые данные об агинских бурятах. Вторая половина XIX века // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 492–497. (0,3 п.л.).

31. Бадмаев А. А. К вопросу об охотничьем культе аборигенов Восточного Присаянья // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 518–523. (0,3 п.л.).

32. Бадмаев А. А. К вопросу о христианизации предбайкальских бурят. Вторая треть XIX – начало XX в. // Народы Байкальского региона: древность и современность. – Новосибирск: Изд-во «АртИнфоДата», 2002. – С. 24–31. (1 п.л.).

33. Бадмаев А. А. Бурятские войлочные ковры // Искусство народов Сибири: прошлое, настоящее, будущее. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Омск: Изд-во ОмГПУ; ООО «Издательский дом “Наука”», 2004. – С. 30–34. (0,25 п.л.).

34. Бадмаев А. А. К вопросу об охоте у окинских сойотов в 1920-е гг. // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2004. – Вып. 3. – С. 6–10. (0,3 п.л.).

35. Бадмаев А. А. К вопросу о традиционной технологии выделки кожи у бурят // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X. – С. 4–8. (0,3 п.л.).

36. Бадмаев А. А. Кожаная утварь бурят // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. – Новосибирск: Изд-во АртИнфоДата, 2004. – Вып. 2. – С. 3–13. (0,8 п.л.).

37. Бадмаев А. А. Технология обработки шерсти и изготовления войлока у бурят // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2005. – № 15. – С. 465–473. (0,7 п.л.).

38. Бадмаев А. А. О мировоззренческих аспектах войлочного производства бурят // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2005. – Вып. 4. – С. 15–21. (0,3 п.л.).

39. Бадмаев А. А. Традиционная мебель бурят // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2005. – Вып. 5. – С. 6–20. (0,85 п.л.).

40. Бадмаев А. А. Дерево в традиционной культуре бурят: заготовка и семантика // Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток: взаимодействие народов и культур. Вторые научные чтения памяти Е. М. Залкинда: Материалы конференции. / Под ред. В. А. Моисеева. – Барнаул: Изд-во «АзБука», 2005. – С. 26–38. (0,6 п.л.).

41. Бадмаев А. А. К вопросу о поселениях бурят в XVIII–XIX вв. // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI. – С. 26–30. (0,3 п.л.).

42. Бадмаев А. А. Традиционные типы жилища бурят в XVIII–XIX вв. Проблема трансформации // Проблемы межэтнического взаимодействия в Сибири. – Новосибирск: ПреПрессСтудио, 2005. – Вып. 3. – С. 96–102. (0,9 п.л.).

43. Бадмаев А. А. Поселения и жилища агинских бурят в середине XIX – начале XX в. // Материалы международной конференции «Цирендоржиевські читання – 2006. Тибетська цивілізація та кочові народи Євразії: кроскультурні контакти». – Киев: Изд-во «Стилос», 2006. – С. 28–40. (0,5 п.л.).

44. Бадмаев А. А. К вопросу о повседневной пище бурят в XVIII в. // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII. – С. 48–51. (0,3 п.л.).

45. Бадмаев А. А. Пищевые модели у бурят в XIX в. // VII Конгресс антропологов и этнографов России. – Саранск. 2007. – С. 240. (0,04 п.л.).

46. Бадмаев А. А. Пища из рыбы в системе питания бурят в XIX – начале XX века (по материалам полевых исследований в 1999, 2006 годах) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 419–422. (0,3 п.л.).

47. Бадмаев А. А. Трапезы бурят в конце XIX – начале XX в. // Материалы международной конференции «Цирендоржиевські читання –

2008. Тибетська цивілізація та кочові народи Євразії: кроскультурні контакти». – Київ: Изд-во МП «Леся», 2008. – С. 91–102. (0,5 п.л.).
48. Бадмаев А. А. Продукты питания в традиционной медицине бурят // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы международ. науч. конф. – Барнаул: Изд-во АГПУ, 2008. – Вып. 7. – С. 53–54. (0,15 п.л.).
49. Бадмаев А. А. О новациях в народной одежде селенгинских бурят в середине XIX в. // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 296–299. (0,3 п.л.).
50. Бадмаев А. А. Буряты и русские: диалог культур (XVIII – первая половина XIX в.) // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX века). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 264–300. (2,3 п.л.).
51. Бадмаев А. А. Об изменениях в интерьере жилища селенгинских бурят в первой половине XIX в. // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 414–418. (0,3 п.л.).
52. Бадмаев А. А. Поселения предбайкальских бурят в первой половине XIX в. // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 364–368. (0,3 п.л.).
53. Бадмаев А. А. Система питания предбайкальских бурят в XVIII в. // Народы Евразии. Традиции и современность: материалы казахстанско-российского научного семинара (27 октября 2010 г., г. Астана). – Астана, 2011. – С. 90–95. (0,6 п.л.).
54. Бадмаев А. А. Некоторые новые данные о поселениях и жилищах аларских бурят в 1850–е гг. // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 273–276. (0,3 п.л.).
55. Бадмаев А. А. О поселениях и жилищах селенгинских бурят в первой половине XIX в. // Материалы международной конференции «Сибирская деревня: история и современное состояние, перспективы развития». – Омск: Издательский дом «Наука», 2012. – Ч. 1. – С. 108–111. (0,2 п.л.).
56. Бадмаев А. А. К вопросу о «дикости» ольхонских бурят XIX в. // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 322–325. (0,23 п.л.).

57. Бадмаев А. А. Хадак в дарообменных отношениях бурят Забайкалья конца XIX – начала XX века // Археолого-этнографические чтения «Праздник в архаическом ритуале и этнографической современности»: Материалы IV Междунар. конф. – Астана: Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, 2014. – С. 233–236. (0,3 п.л.).

58. Бадмаев А. А. Интерьер жилища бурят. Проблема трансформации (XVIII – первая половина XIX в.) // Баландинские чтения: сборник статей VIII научных чтений памяти С. Н. Баландина. – Новосибирск: Изд-во «ООО СИБПРИНТ», 2014. – С. 12–19. (0,6 п.л.).

59. Бадмаев А. А. Этнические процессы и административно-территориальное обустройство бурят в XVIII – начале XX века // Материалы региональной научно-практической конф. «Коренные народы Сибири: история, традиции и современность» (Новосибирск, НГАУ, 28 февр. 2014 г.). – Новосибирск, 2014. – С. 47–50. (0,45 п.л.).

60. Бадмаев А. А. О субрегиональной специфике системы питания бурят Предбайкалья во второй половине XIX – начале XX века // Материалы докладов регионального форума «Россия глазами народов Сибири: диалог и взаимодействие народов в рамках национальной политики» (г. Новосибирск, 13–14 ноября 2014 г.). – Новосибирск, 2014. – С. 50–53. (0,3 п.л.).

61. Бадмаев А. А. О шаманском обряде посвящения животных «сэтэрлэх» у закаменских хонгодоров // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 334–336. (0,3 п.л.).